

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093* от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук
(ред. 01.01.2019 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2019**Ежеквартальное издание****№ 3****Основен в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»****Редакционная коллегия**

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2019
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2019

INTELLIGENTSIYA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093* on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2019)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2019

Quarterly

№ 3

Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2019
© Ivanovo State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Сергеевич Меметов. 23.02.1939 — 12.08.2019 7

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Усманов С. М.* Потенциальное православие VS варварство:
«Русская идея» Н. Бердяева в зеркале историко-
культурной концепции П. Сорокина 9
- Корнилов А. А.* Религиозные настроения послевоенной
русской эмиграции в «Докладной записке» 1950 г.
профессора И. П. Четверикова 18

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Шимельфениг О. В.* Интеллигенция Саратова на рубеже
тысячелетий 30
- Ашмарина А. А.* Позиция интеллектуалов Европейского
Союза по отношению к мигрантам: Ален Финкелькраут
и Юлиан Нида-Рюмелин 49

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Смирнов Д. А.* Политические проблемы послевоенной
Германии в отражении интеллектуальных исканий
Эрнста Юнгера начала 1950-х годов 58
- Буданова Д. С.* Символы власти и их интерпретация
в живописи Здзислава Бексиньского 71

ДИСКУССИЯ

- Ревакина Н. В.* Культура Возрождения и мы 101
- Аннотации и материалы для цитирования** 112
- Информация для авторов* 129

CONTENTS

Valery Sergeyevich Memetov. 23.02.1939 — 12.08.2019 7

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Usmanov S. M.* Potential Orthodoxy VS barbarity:
«The Russian idea» of N. Berdyaev in a mirror
of the historical and cultural concept of P. Sorokin 9
- Kornilov A. A.* The Religious Sentiments of the Post-War
Russian Emigration in the 1950 Report by Professor
I. P. Chetverikov 18

INTELLIGENTSIA IN MODERN SOCIETY

- Schimelfenig O. V.* Intelligentsia of Saratov between two
millenniums 30
- Ashmarina A. A.* Position of intellectuals of the European Union
on the attitude towards migrants: Alain Finkielkraut and
Julian Nida-Rumelin 49

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Smirnov D. A.* Political problems of post-war Germany
in the reflection of the intellectual quest of Ernst Junger
in the early 1950s 58
- Budanova D. S.* Symbols of the power and their interpretation
in painting of Zdzisław Beksiński 71

DISCUSSION

- Revyakina N. V.* Culture of the Renaissance and we 101
- Annotations and materials for citing** 118
- Information for authors* 129

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВИЧ МЕМЕТОВ
23.02.1939 — 12.08.2019

Уважаемые коллеги!

Редакционная коллегия и редакционный совет журнала «Интеллигенция и мир» с глубоким прискорбием сообщают, что 12 августа 2019 года скончался директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир», доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Валерий Сергеевич Меметов.

В. С. Меметов родился 23 февраля 1939 года. Профессию историка он получил в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет). Именно тогда определилась сфера его научных интересов — генезис, образование, развитие и деятельность отечественной интеллигенции. По данной тематике в 1971 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1984 — докторскую. В начале 1970-х годов В. С. Меметов переехал в Иваново. С этого времени его жизнь, научная и общественная деятельность тесно связаны с нашим городом.

Валерий Сергеевич Меметов проявил себя на многих поприщах: научном, организаторском, педагогическом, общественно-политическом. Он преподавал в ряде ивановских вузов: в энергетическом, химико-технологическом институтах; более 20 лет заведовал кафедрой истории и культуры России Ивановского госуниверситета. Под его руководством подготовлено и защищено несколько докторских и десятки кандидатских диссертаций. Ученики В. С. Меметова работают в высшей школе, в органах муниципальной, представительной и исполнительной власти, в средствах массовой информации.

В начале 1990-х годов В. С. Меметов создал Межвузовский Центр по изучению проблем интеллигенции и НИИ интеллигентоведения при ИвГУ. Валерием Сергеевичем были организованы

30 общероссийских, международных и национальных научно-теоретических конференций, которые стали площадками для обмена исследовательским опытом. В них участвовали ученые из многих регионов России, стран зарубежья. С 2001 года в Ивановском государственном университете издается журнал «Интеллигенция и мир». Благодаря усилиям Валерия Сергеевича в 2010 году журнал был включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых изданий, в которых могут быть опубликованы результаты научных исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Валерий Сергеевич был прекрасным ученым, организатором, сумевшим объединить историков России для изучения прошлого и настоящего нашей страны. Являясь одним из наиболее авторитетных специалистов по истории российской интеллигенции, он очень многое сделал для развития этой отрасли научного знания. В. С. Меметова всегда отличали широкий научный кругозор, способность понимать даже своих последовательных оппонентов. После себя он оставил ценное наследие и большое количество учеников, людей, на которых знакомство с ним оказало влияние. Кончина Валерия Сергеевича Меметова — тяжелая потеря для всего огромного числа его коллег, соратников, учеников и друзей.

Редколлегия выражает соболезнования родным и близким Валерия Сергеевича Меметова.

Память о нем сохранится в наших сердцах.

*Члены редколлегии журнала «Интеллигенция и мир»,
ученики и коллеги*

С. М. Усманов

ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ VS ВАРВАРСТВО: «РУССКАЯ ИДЕЯ» Н. БЕРДЯЕВА В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ П. СОРОКИНА

Введение

Тема данной статьи может показаться надуманной, содержательно незначительной, во всяком случае — слишком специальной. На наш взгляд, это отнюдь не так. Речь ведь идет ни много ни мало, как о будущем России. Точнее, о том, как его старались предвидеть такие крупные мыслители XX века, как Николай Бердяев и Питирим Сорокин. Прошли уже десятилетия после их смерти, однако наследие этих видных представителей Русского Зарубежья продолжает изучаться в нашей стране, и только за последнее десятилетие появились весьма интересные изыскания по данной тематике¹.

Действительно, в творчестве и Бердяева, и Сорокина есть еще что открывать, изучать и осмыслять. Несмотря даже на то, что в современной России наследие Русского Зарубежья скольконибудь заметного общественного влияния не имеет. Подобное

© Усманов С. М., 2019

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, заместитель главного редактора журнала «Интеллигенция и мир», Ивановский государственный университет. ilapsi@yandex.ru

Usmanov Sergey Mikhailovich — doctor of historical sciences, docent, professor of department of general history and the international relations, the deputy chief editor of the journal «Intelligentsia and the World», Ivanovo State University.

положение представляется наглядным свидетельством нашего нынешнего неблагополучия, что само по себе не должно мешать дальнейшим поискам и открытиям в созданной русской эмиграцией после революционной катастрофы 1917 г. богатейшей энциклопедии общественной мысли. Думается, такие поиски и находки еще пригодятся будущим поколениям наших соотечественников. А работа на будущее — дело весьма благородное.

Переходя непосредственно к самой теме статьи, отметим, что Николай Александрович Бердяев является самым известным в мире русским философом XX века, а Пителир Александрович Сорокин — самым знаменитым социологом из наших соотечественников. Мало того, помимо всего прочего, Пителир Сорокин дал еще и свою интерпретацию творчества Николая Бердяева. В 1963 г. в Нью-Йорке вышла книга Сорокина «Историософия и социальная философия нашего времени»². В ней наряду с творчеством других мыслителей анализировалось и наследие Бердяева. Фрагмент данной книги Пителира Сорокина, посвященный концепции Николая Бердяева, еще в 1992 г. в переводе И. М. Татаровской был напечатан в журнале «Кентавр»³, а спустя два года включен в объемный том «Н. А. Бердяев: pro et contra»⁴.

Странным образом, с тех пор истолкование Пителиром Сорокиным творчества Николая Бердяева так и не привлекло к себе внимания исследователей. По крайней мере, нам не удалось обнаружить ни одного значимого упоминания об этом в работах российских ученых. Думается, пора уже, хотя бы отчасти, исправить это упущение и принять во внимание размышления и выводы Пителира Александровича Сорокина, никогда не бывшего ни эпигоном, ни хулителем Николая Александровича Бердяева. Оригинальный, заинтересованный анализ, сделанный более полувека тому назад Пителиром Сорокиным, вероятно, поможет нам более основательно постигнуть проблематику «Русской идеи» и яснее представить себе альтернативы развития России в нынешнем столетии.

Методы

В изучении избранной нами темы, прежде всего, необходим *просопографический метод*, который предполагает не просто рассмотрение сравнительных биографий двух протагонистов — Николая Бердяева и Пителира Сорокина. Но еще в большей

степени — обращение к личностям обоих мыслителей, к их индивидуальным предпочтениям, симпатиям и антипатиям, типам мышления, наконец, к особенностям мировоззрения.

Разумеется, в наших изысканиях весьма нужными и полезными оказываются исследовательские приемы и инструменты из арсенала интеллектуальной истории, особенно — *контекстуализм Квентина Скиннера*. Как показал этот британский исследователь, для того чтобы воссоздать намерения тех или иных лиц, проявляющиеся в их речевых актах, необходимо определить «языковые конвенции», в которых и осуществляются такие акты высказывания. Иначе говоря, требуется глубоко проработать контекст тех понятий и высказываний, которые «вращаются» вокруг того или иного автора⁵.

Кроме того, в истолковании Николаем Бердяевым «Русской идеи» и ее интерпретации Питиримом Сорокиным, представляется уместным применение методик и возможностей феноменологии Эдмунда Гуссерля, в частности, разработанной этим немецким философом исследовательской практики «*феноменологической дескрипции*», позволяющей исключить всё эмпирическое, всё внешнее в содержании изучаемого предмета (например, в концептах «Русская идея» или будущее России)⁶.

Результаты

В той части книги «Историософия и социальная философия нашего времени», которую Питирим Александрович Сорокин посвятил изучению социокультурной концепции Бердяева, мы не обнаружим всеобъемлющего анализа творчества Николая Александровича. Сам Сорокин отмечал в своей работе, что он не будет касаться «метафизических концепций философии истории Бердяева», а рассмотрит лишь «основные эмпирические положения его трактовки исторических событий»⁷. Всё же, если ознакомиться с пятью пунктами сформулированных Питиримом Александровичем этих самых «эмпирических положений» концепции Бердяева, то можно увидеть в них и нечто большее, чем простое описание эмпирики.

Во-первых, Питирим Сорокин подчеркивает приверженность Бердяева интуитивному подходу познания исторических и социокультурных процессов. Во-вторых, согласно Сорокину,

Бердяев отрицает все линейные теории прогресса. В-третьих, как отмечает Питирим Александрович, Бердяев не упускает из виду того, на что не обращали внимания многие социологи, философы и историки: конечность всех великих культур и вместе с тем бессмертие заложенных в них непреходящих ценностей. В-четвертых, как полагал Сорокин, Бердяев помимо Шпенглера, а возможно и раньше его, пришел к выводу о том, что западная культура уже прошла свои стадии средневековья и секулярного гуманизма и вступает в «новое средневековье». В-пятых, Сорокин выявляет особенность понимания Бердяевым проблем кризиса и распада великих культур: в определенном смысле культура всегда противоположна жизни; когда жизнь становится «цивилизованной», счастливой и благополучной, тогда творческий дух культуры исчезает и на смену ей приходит «цивилизация»⁸.

Как видим, на самом деле Питирим Сорокин отнюдь не ограничился «эмпирическими положениями» историсофской концепции Николая Бердяева. В книге Сорокина Бердяев представлен как крупный мыслитель, создатель оригинальной историко-культурной теории, сопоставимой с теориями Освальда Шпенглера, Филмера Нортропа, Вальтера Шубарта и некоторых других ученых. Мало того, Сорокин показывает, что Бердяев допускал возможность и иного пути изменения современного мира — пути «религиозного преобразования жизни». Как замечал Питирим Александрович, Николай Бердяев не исключал, что «переходная культура Запада изберет этот религиозный путь преобразования жизни для того, чтобы увековечить непреходящие ценности и приблизить человечество к настоящей духовной жизни»⁹.

Впрочем, самое интересное в трактовке Питиримом Сорокиным творчества Николая Бердяева — это, конечно, истолкование бердяевской версии «Русской идеи». Как подчеркивал Питирим Александрович в завершающих строках своих соображений о Бердяеве, «Россия может сыграть ведущую роль в распространении культуры, однако тем не менее эта роль остается проблематичной и неясной. Бердяев не так восторженно относится к России, как Шубарт, Данилевский и Шпенглер». Далее Сорокин приводит слова Бердяева о слабости традиции культуры в России и о силе в ней «варварского начала». Наконец, Питирим Александрович делает следующий обобщающий вывод о бердяевском

видении будущего России и русской культуры: «При таких обстоятельствах только потенциальная религиозность России в сочетании с постоянными страданиями и осознанием глубины кризиса могут помочь России найти путь религиозного преобразования жизни вместо загнивающей нетворческой цивилизации или варварства»¹⁰.

Итак, по версии Питирима Сорокина, будущее России Николай Бердяев представлял как альтернативу «потенциальной религиозности» или «варварства». Внимательный читатель поздних произведений Бердяева в такой постановке вопроса не может не почувствовать сомнений. И действительно, если мы обратимся к программному труду позднего творчества Николая Александровича, книге «Русская идея», то увидим нечто иное. В итоговых положениях этой работы Бердяев уверенно заявлял: «Русская идея — эсхатологическая, обращенная к концу. <...> Возможна мутация и резкие изменения в результате революции. Это возможно и в результате русской революции. Но Божий замысел о народе остается тот же, и дело усилий свободы человека остаться верным этому замыслу. <...> Для Нового Иерусалима необходима коммюнитарность, братство людей, и для этого еще необходимо пережить эпоху Духа Св., в которой будет новое откровение об обществе. В России это подготавливалось»¹¹. Так что сам Николай Бердяев предусматривал на будущее не альтернативу, а однозначную и, по сути, оптимистичную перспективу.

Обсуждение

Разумеется, Питирим Александрович Сорокин вовсе не стремился исказить творческие искания и находки своего старшего современника. К Бердяеву он относился с большим уважением и еще при его жизни дал ему высокую оценку в собственной книге «Россия и Соединенные Штаты»: «Бердяев стал выдающимся религиозным мыслителем и философом»¹². Но всё же Бердяев и Сорокин — люди совершенно разные и принадлежат, можно сказать, к разным мирам: Николай Александрович был ярким представителем религиозно-философского крыла парижской эмиграции, а Питирим Александрович успешно интегрировался в американскую университетскую профессуру. И в России, и в эмиграции они практически не пересекались, правда, высланы

были из Советской России почти одновременно. Как отмечал Сорокин в 1963 г., «в одной группе со мной»¹³.

Еще очень характерно то обстоятельство, что Бердяев в своих работах Питирима Сорокина не упоминает, даже в книге «Русская идея», где он называет и оценивает труды и разработки многих соотечественников. Но ведь Бердяева интересовали религиозные мыслители и философы, к числу которых Питирим Сорокин не относился. Сорокин же творчество Бердяева, как мы уже видели, воспринимал весьма благожелательно и дал ему свою содержательную оценку.

Тем не менее, надо учесть некоторые особенности интерпретации Сорокиным наследия Бердяева. Прежде всего, стоит принять во внимание, что книга Питирима Александровича «Историческая философия и социальная философия нашего времени» вышла на английском языке и была предназначена для американского читателя. Хотя в ней автор прямо цитировал работы Бердяева, ни язык, ни стиль, ни главные интенции творчества Николая Александровича не являются в ней вполне узнаваемыми. Это связано как с некоторым упрощением мысли русского философа-эмигранта, так и с тем, что Сорокин четко не разграничивал размышлений Бердяева и собственных о них соображений.

Поэтому можно предположить, что сам Николай Бердяев мог бы и не принять такую версию собственного творчества. Тем более, что ему было свойственно резко отвечать не только оппонентам, но даже и доброжелательным комментаторам его текстов. Бердяевский темперамент сохранялся до конца дней философа-эмигранта. Свояченица Николая Александровича, Евгения Рапп, вспоминала оживленное общение Бердяева с гостями дома в последнее воскресенье его жизни 21 марта 1948 г.¹⁴

В самом главном вопросе о будущем России Питирим Сорокин, как мы уже старались показать, невольно «подправил» оптимистические ожидания Николая Бердяева. Вероятно, помимо всего прочего, Питирим Александрович не обратил внимания на некоторые существенные акценты, поставленные Бердяевым в поздних книгах и статьях. Кроме того, Сорокин едва ли мог вполне воспринимать «профетические» прорицания Бердяева-мыслителя, поскольку Питириму Александровичу была близка совсем другая сфера — научная рациональность.

Обращает на себя внимание и специфика использования мыслителями концепта «варварство». Оба нередко употребляли его в период революционных событий 1917 г. и в течение нескольких последующих лет: обычно в качестве весьма существенной характеристики кризисных явлений и потрясений современного мира. Это понятие в дискурсе Бердяева появляется даже раньше самих революционных событий 1917 г.¹⁵ Со своей стороны, Питирим Сорокин летом 1917 г. в эсеровской газете «Воля народа» характеризует «большевизм наших дней» и «значительную часть нашей революционной демократии» как «варварство» и «грубое невежество»¹⁶.

В последующие десятилетия и Бердяев, и Сорокин данный термин употребляют значительно реже и в ином контексте, не столь однозначно. В частности, в последней книге Николая Бердяева «На пороге новой эпохи», вышедшей на французском языке уже после смерти автора, отмечается, что «кризис современного мира» воспринимается как «варваризация», так как «дикий человек появляется снова»¹⁷. Питирим Сорокин в мемуарах, написанных в начале 60-х гг., по сути дела говорит о том же явлении, хотя прямо и не употребляя слово «варварство»: «Во всей человеческой истории едва ли найдется другой столь же пораженный безумием людских масс и особенно элит, столь же отмеченный превращением человека в худшего из зверей исторический момент, как нынешний»¹⁸.

Получается, что после Второй мировой войны и Бердяев, и Сорокин весьма критически оценивали состояние современного им мира. Оба мыслителя отчетливо выявляли его духовную и нравственную деградацию, используя в этом контексте концепт «варварство» или близкие к нему по значению понятия. Однако Николай Александрович Бердяев был здесь куда более оптимистичен, по крайней мере, по отношению к будущему России. Думается, что причины таких различий кроются в глубинах мировоззрения обоих мыслителей. Николай Бердяев при всех особенностях его философских пристрастий и человеческого темперамента во все зрелые годы своей жизни был православным христианином, а потому и не забывал о Домостроительстве Божиим («Божием замысле»). Иначе видел мир Питирим Сорокин: «Сам человек верующий, но на свой особый манер, я не принадлежал

к какой-либо институционализированной религии. <...> я скорее был независимым нон-конформистом со своими собственными теориями, убеждениями, стандартами поведения и ценностными ориентациями, которые считал более истинными, универсальными и прочными, чем преходящие, мелкие и быстро устаревающие ценности и идеологические привязанности многих моих коллег и студентов»¹⁹.

Заключение

Известный исследователь истории русской мысли Сергей Михайлович Половинкин в сравнительно недавней статье с удовлетворением отмечал возвращение в нашу страну наследия Русского Зарубежья, в том числе и мыслителей с «философского парохода», высланных из Советской России в 1922 г.: «Авторы “философского парохода” вернулись на родину своими трудами. Они оказали сильнейшее влияние на современную религиозную мысль России»²⁰.

Действительно, духовные, интеллектуальные и культурные богатства Русского Зарубежья стали в большой своей части доступными нашим соотечественникам. Другое дело — насколько они усвоены, осмыслены, включены в социокультурные трансформации, происходящие в нынешней России. Скорее, здесь по аналогии с образом «потенциальная религиозность» Питирима Сорокина можно рассуждать о потенциальных возможностях расширения горизонтов и углубления смыслов российского общественного сознания, иначе говоря — о «потенциальной культурности», «потенциальной интеллектуальности», «потенциальной интеллигентности».

Главное, что в наследии и Николая Бердяева, и Питирима Сорокина есть что почерпнуть для понимания «кризиса современного мира» и поиска возможных путей его преодоления. В таком контексте нельзя не заметить, что «профетические» ожидания Николая Бердяева в немалой степени перекликаются с пророчествами некоторых русских святых XX века. Стоит также признать меткость и актуальность для современной России дилеммы, сформулированной пятьдесят с лишним лет назад Питиримом Сорокиным: потенциальная религиозность vs варварство. Действительно, для самосознания очень большой части наших

соотечественников религиозность остается пока только чем-то очень неопределенным, в лучшем случае — потенциальным. А варварство в современной России — явление и многообразное, и очень узнаваемое. В любом случае, соображения Николая Бердяева и Питирима Сорокина о России, о ее будущем и в нынешних условиях звучат свежо и нетривиально. Думается, они могут оказаться нужными и в интеллектуальных поисках будущих поколений наших соотечественников.

Примечания

- ¹ *Гаман Л. А.* Н. А. Бердяев о войне // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 3. С. 41—47; *Гаман-Голутвина О. А.* Творческое наследие Н. А. Бердяева и диалектика русской политической истории // Тетради по консерватизму. 2014. № 2. С. 42—46; *Поляков Л. В.* Философ и мир. Николай Бердяев как критик эпохи // Тетради по консерватизму. 2017. № 1. С. 62—71; *Зюев Н. Ф.* Питирим Сорокин как консервативный мыслитель // Наследие. 2017. № 2. С. 32—37; и др.
- ² *Sorokin P. A.* Modern Historical and Social Philosophies: Danilevsky, Spengler, Toynbee, Schubart, Berdyaev, Northrop, Kroeber, Schweitzer. N. Y., 1963.
- ³ *Сорокин П.* Николай Бердяев // Кентавр. 1992. Июль — август. С. 147—152.
- ⁴ *Сорокин П. А.* Н. А. Бердяев // Н. А. Бердяев: pro et contra. СПб., 1994. Кн. 1. С. 477—482.
- ⁵ *Skinner Q.* Meaning and understanding in the history of ideas // History and Theory. 1969. № 8. P. 3—53.
- ⁶ См. подробнее: *Усманов С. М.* Безысходные мечтания: русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX — начале XX века. Иваново, 1998. С. 35.
- ⁷ *Сорокин П. А.* Н. А. Бердяев. С. 477.
- ⁸ Там же. С. 477—481.
- ⁹ Там же. С. 481, 482.
- ¹⁰ Там же. С. 482.
- ¹¹ *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 268, 269.

- ¹² *Сорокин П. А.* Россия и Соединенные Штаты // Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар, 2018. С. 325.
- ¹³ *Сорокин П. А.* Н. А. Бердяев. С. 477.
- ¹⁴ Штрихи воспоминаний // Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. С. 81.
- ¹⁵ В этом смысле характерна статья Бердяева 1916 г.: *Бердяев Н.* Варварство и упадничество // Биржевые ведомости. 1916. 28 дек.
- ¹⁶ См.: *Сорокин П. А.* Заметки социолога: славянофильство наизнанку // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3. С. 30, 32.
- ¹⁷ См.: *Бердяев Н. А.* Истина и откровение. СПб., 1996. С. 158, 215.
- ¹⁸ *Сорокин П. А.* Долгая дорога: автобиография. М., 1992. С. 194.
- ¹⁹ Там же. С. 187.
- ²⁰ *Половинкин С. М.* Возвращение «философского парохода» // Философские науки. 2012. № 12. С. 128—129.

А. А. Корнилов

**РЕЛИГИОЗНЫЕ НАСТРОЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В «ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКЕ» 1950 г.
ПРОФЕССОРА И. П. ЧЕТВЕРИКОВА**

Введение

Судьбы российской научной интеллигенции в эмиграции продолжают оставаться предметом исторических исследований¹. Особый интерес для историков представляют биографии и разноплановая деятельность ученых, которые оказались в эмиграции в Германии после Второй мировой войны. Особенность внимания к судьбам этих людей связана с нехваткой источниковых материалов

© Корнилов А. А., 2019

Корнилов Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. kornilov@imomi.unn.ru

Kornilov Aleksandr Alekseyevich — Doctor of historical sciences, professor, head of the Department of Regional Studies of Foreign Countries and Local History, Institute of International relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

об ученых-эмигрантах, а также с отсутствием консенсуса в российской историографии касательно общественно-политической оценки действий эмигрантской интеллигенции в период «холодной войны». Одним из таких ученых-эмигрантов является профессор Иван Четвериков, который был не только профессиональным психологом, но и посвящал свои исследования философскому и социальному анализу событий, участником или свидетелем которых он оказался на территории послевоенной Германии.

Целью статьи является рассмотрение религиозных настроений послевоенной эмиграции через призму одного из видных представителей российской интеллигенции, оказавшейся после мировой войны 1939—1945 гг. в Германии. В связи с этим автором статьи ставились задачи: дать внешнюю характеристику документа «Докладная записка» профессора И. П. Четверикова; изучить параметры религиозной активности групп эмигрантов, проживавших в Штутгарте и объединившихся вокруг жизни прихода святителя Николая в этом городе; оценить рекомендации, которые профессор И. П. Четвериков направил управляющему Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей.

Личность профессора И. П. Четверикова

Иван Пименович Четвериков (1880—1969) — профессор Киевской Духовной Академии, философ и психолог, автор богословских трудов относится к тем представителям российской эмиграции, деятельность которых только становится предметом изучения отечественными историками. Точная биография И. П. Четверикова до сих пор отсутствует, авторы-составители биографии сообщают порой различные, противоречащие друг другу факты. Поэтому введение в научный оборот ранее неопубликованного архивного текста, написанного профессором И. П. Четвериковым, представляет научный интерес, поскольку сообщает новые факты личной жизни, расширяет картину его научной работы, показывает какие-то иные ракурсы мировоззрения, не обязательно научного, но и общественно-церковного и прочего.

С Германией жизнь И. П. Четверикова была связана еще в Российской империи. Известно, что в 1906—1908 гг. он стажировался в университетах Лейпцига, Геттингена, Мюнхена по вопросам преподавания психологии и философии. С 1909 г. стал

доцентом Киевской духовной академии по психологии. В сентябре 1917 г. был избран профессором Юрьевского университета, в 1918 г. — профессором университета св. Владимира в Киеве. Жил и работал в Крыму, был председателем Педагогического общества Таврического университета. С 1921 г. — профессор Медико-педагогического института Наркомздрава в Москве и одновременно профессор Ярославского университета (позднее пединститута), в этом вузе он читал курсы экспериментальной психологии и экспериментальной педагогики, по основам педагогики.

Репрессий Иван Пименович не избежал. В 1933 г. Коллегия ОГПУ СССР приговорила его по ст. 58—11 УК РСФСР за «ведение нелегальной подготовки антисоветских кадров из церковников» к трем годам высылки в Казахстан. Биографы полагают, что в 1937 г. И. П. Четвериков жил в Малоярославце Московской области. С началом Великой Отечественной войны он был призван в ополчение, попал в Германию, по окончании войны оказался в американской оккупационной зоне. Остался в Германии, преподавал, в том числе в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже (Франция). Скончался 2 октября 1969 г. в Штутгарте (Германия)².

Действительно, после Второй мировой войны профессор И. П. Четвериков оказался в Германии, он жил и трудился в Вендлингенской беженской православной общине под Штутгарт-ом³. Эта община представляла собой необычную форму православного сообщества, где сочетались элементы монастыря (полный суточный круг богослужений и молитва), трудовой артели (работали мастерские по изготовлению церковной утвари) и обычного церковного прихода (настоятель, прихожане, хор и пр.). Возглавлял общину выдающийся пастырь, протоиерей Адриан Рымаренко, в будущем — основатель женского Свято-Успенского монастыря «Новое Дивеево» в Спринг Валлей, что под Нью-Йорком (США). В юрисдикционном отношении Вендлингенская община подчинялась Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ)⁴.

Правда, и здесь нельзя с уверенностью сказать, почему и при каких военных и послевоенных обстоятельствах профессор оказался в Вендлингене. Мы не находим ответа на этот биографический вопрос в доступных нам архивных документах.

Общая характеристика «Докладной записки»

29 октября 1950 г. профессор И. П. Четвериков написал «Докладную записку» на имя управляющего Германской епархией Русской Зарубежной Церкви архиепископа Венедикта (Бобковского)⁵.

Записка была написана от руки, чернилами, на листах ученической тетради в линейку, ясным почерком, с орфографическими правилами дореволюционной России и насчитывала 6 страниц.

В этом документе, отложившемся в фондах Архива Германской епархии (АГЕ) РПЦЗ, профессор сообщил, что не смог по не зависящим от него причинам приехать на епархиальный съезд и доложить о развитии приходской жизни в Штутгарте. Поэтому И. П. Четвериков решил изложить свое видение ситуации на Штутгартском Свято-Николаевском приходе в письменном виде.

Докладная записка содержала несколько идей, которые вызвали самое серьезное отношение правящего германского архиерея. Об этом отношении свидетельствует пометка владыки Венедикта на первой странице документа: «В Епископский Совет на 14 ноября. А. В.». Следовательно, текст и размышления профессора философии и психологии должны были стать предметом обсуждения епархиального Епископского Совета и вызвать к жизни некие важные решения.

Наряду с этим «Докладная записка» как исторический источник имеет еще одно значение. Она отражает — пусть и сквозь наблюдения российского интеллигента, пусть на примере одного только прихода (Штутгарт) — настроения, которые доминировали в эмигрантской среде начала 1950-х гг. по отношению к религии, Церкви, к национально-религиозной идентичности, наконец.

Основное содержание «Докладной записки»

Прихожане Свято-Николаевского прихода состояли из «старой» (послереволюционной) и «новой» (послевоенной) волн эмиграции. Профессор Четвериков с тревогой отмечал резкое снижение степени религиозности эмиграции, приписанной к приходу Штутгарта. По его наблюдениям, примерно половина старых эмигрантов, относившихся к штутгартскому приходу, вообще не посещали храм; эти лица изучали Библию в своих кружках, либо обращались в антропософские общества для удовлетворения своих религиозных нужд. Приведенная статистика имела

свое объяснение. «Эта секуляризация русских людей, — сообщил И. П. Четвериков, — результат старого дореволюционного воспитания и образования»⁶.

Секуляризация и автономия личности, по словам И. П. Четверикова, стали в России кануна революции 1917 г. основными формами жизни. Эта установка была перенесена старой эмиграцией за границу, в Германию. Православная церковь в Штутгарте посещалась многими или как протест против идеологии и практики коммунизма, или как инструмент сохранения «одного из остатков дореволюционного “быта”, давно уже утравшего свое жизненное значение»⁷.

Второй тенденцией, которую заметил профессор-эмигрант, было критическое отношение новой (бывшей «подсоветской») эмиграции к Церкви и к православию. Новая эмиграция, как известно, пришла на приход Штутгарта с 1942 г. Это были беженцы войны, антисоветские политэмигранты, «восточные рабочие» (остарбайтеры), попавшие на юг Германии в результате самых разных обстоятельств. Однако бывшие советские граждане пришли в Штутгарт уже разочарованные старыми — периода Российской империи — формами жизни. Они далеко не всё знали о религии и потому потянулись к приходской среде. Послевоенная эмиграция с интересом и большими ожиданиями устремилась в Церковь, искала ответы на свои запросы, но не находила их, писал И. П. Четвериков.

Главная причина нового разочарования, постигшего вторую эмиграцию в стенах Церкви, по мнению профессора, лежит в плоскости деятельности духовенства. «Духовенство не интересуется их внутренней жизнью, — читаем мы в докладной записке, — не отвечает на их запросы и даже просто не объясняет непонятого в богослужебных обрядах и молитвах»⁸.

Профессор Четвериков был убежден, что ситуация выглядела намного спасительней, когда настоятелем штутгартского прихода служил архимандрит Димитрий (Биакай). Прежний настоятель был искренне религиозным человеком, с большим подъемом совершал богослужения, каждый день привлекал к Церкви новых эмигрантов.

Фонды Архива Германской епархии РПЦЗ содержат ряд документов, относящихся к служению о. Димитрия. По окончании 2-й мировой войны о. Димитрий так же, как и профессор

И. П. Четвериков, был насельником Вендлингенской православной общины о. Адриана Рымаренко.

Назначение на приход в Штутгарт о. Димитрий получил следующим образом. В мае 1949 г. на имя управляющего Германской епархией РПЦЗ митрополита Серафима (Ляде) поступило письмо от Свято-Николаевского приходского совета г. Штутгарта. Совет просил назначить настоятелем архимандрита Димитрия (Биакай), служившего в Вендлингене. «Обратиться к Вам с настоящей просьбой, — писали члены совета, — вынуждает нас обстановка, создавшаяся в нашем приходе, и необходимость умиротворить всех прихожан. Мы убедительно просим Вас, святой Владыка, внять нашей просьбе, и мы можем сказать Вам, что назначение архимандрита Димитрия будет встречено с большой радостью». Обращение было подписано церковным старостой С. Коноплевым. На тексте письма владыка Серафим написал резолюцию: «18.V.49. Отправлен запрос о. А. Рымаренко, о чем сообщено г. Коноплеву. М. С.»⁹

Вероятно, русские штутгартцы приезжали в Вендлинген, в общину о. Адриана, знали и, возможно, беседовали с о. Димитрием. Они видели, как он совершает богослужения, потому просили назначить его настоятелем. «Обстановка», которую упоминают члены совета в своем письме, была связана с деятельностью штутгартского настоятеля о. Василия Виноградова. Его пастырское служение вызвало множество соблазнов и нестроений среди прихожан. В Указе епархиального управления от 10 марта 1949 г., подписанном митрополитом Серафимом, прямо говорилось: «Протопресвитер В. Виноградов потерял всякий моральный авторитет и доверие у значительной части прихожан». О. Василий Виноградов был отстранен от должности настоятеля этим Указом, а на его место временно назначили протоиерея Павла Савицкого¹⁰. Мы не берем на себя ответственность выносить какое-то суждение о деятельности о. Василия, а лишь приводим документы, помогающие выяснить причины, по которым профессор И. П. Четвериков составил записку 1950 г.

Митрополит Серафим, желавший, конечно, примирения на приходе, пошел навстречу просьбам прихожан и назначил о. Димитрия в Штутгарт. Указ о назначении вышел 30 июня 1949 г. и передал тревожность обстановки, сложившейся на приходе:

«Определением Высокопреосвященнейшего Митрополита Берлинского и Германского Серафима от 27 июня 1949 года постановлено:

Согласно многократному ходатайству членов Церковного приходского совета св. Николаевской церкви г. Штутгарта, на место уволенного протопресвитера В. Виноградова назначить архимандрита Димитрия с освобождением его от должности при церкви в Вендлингене. Архимандриту Димитрию немедленно вступить в свою новую должность.

О сем сообщить архимандриту Димитрию, протоиерею А. Рымаренко, прот. П. Савицкому и членам Церковного приходского совета св. Николаевской церкви...»¹¹

С началом служения архимандрита Димитрия смута на приходе прекратилась. Прихожане Штутгарта, как свидетельствуют архивные документы, искренне полюбили о. Димитрия и высоко оценили его как священнослужителя, как духовника, как настоятеля. «Его появление и чисто христианское отношение к прихожанам и делам нашей Церкви внесли успокоение в приход, а ему снискало любовь и уважение всех решительно прихожан. Важнейший вопрос восстановления нашего разрушенного во время войны храма при неутомимом участии и энергии о. Димитрия стал на реальную почву и быстро продвигается к его благополучному разрешению», — так писали члены приходского совета митрополиту Серафиму в письме от 9 ноября 1949 г.¹²

К сожалению, в эти же дни прихожане узнали о решении Архиерейского Синода РПЦЗ назначить о. Димитрия служить на Святой Земле, в Палестине. Постановление Синода было по иерархии решений выше определений правящего епархиального архиерея, так что митрополит Серафим (Ляде), назначивший архимандрита Димитрия в Штутгарт, ничего изменить не мог, а лишь должен был подчиниться вышестоящей инстанции (Синоду). В апреле 1950 г. архимандрит Димитрий получил Канонический отпуск от епархиального управления¹³ и выехал в Палестину, где впоследствии служил начальником Русской Духовной Миссии юрисдикции РПЦЗ.

После отъезда архимандрита Димитрия на Святую Землю богослужение превратилось в форму, совершаемую некоторыми священниками как «тяжелая повинность» (термин И. П. Четверикова).

Штутгартский приход требовал такого священника-настоятеля, который готов к постоянной миссионерской работе, к ежедневной работе с прихожанами. Будучи сам прихожанином Штутгарта, Иван Пименович анализировал ситуацию изнутри. Он считал, что новый настоятель должен дать понять и почувствовать, что такое молитва общественная и индивидуальная, что такое таинства и как должно подходить к ним. Это особенно актуально, подчеркивал автор «Докладной записки», поскольку вокруг прихода ведется активная прозелитическая работа протестантских организаций.

Вместо упорядоченной, налаженной жизни прихода профессор наблюдал почти полный разлад. Одни прихожане совершенно отделились от Церкви и православия, другие ведут борьбу между собой в самом приходе. Раздоры, жалобы, взаимные доносы распространились — всего этого не было в период настоятельства архимандрита Димитрия.

Рекомендации профессора И. П. Четверикова

Из вышесказанного автор «Докладной записки» делал вывод, который в народе соответствует известной поговорке «каков поп, таков и приход». Профессорским же стилем сделаны и следующие рекомендации.

1. Настоятелем должен быть священник, искренне религиозный. Пока же служившее в Штутгарте духовенство стремилось сократить богослужение. Вот слова из записки И. П. Четверикова: «Во время Евхаристического канона священник из алтаря громко и сердито сказал псаломщику: “Чего тянете? Это не Литургия Василия Великого. Пойте быстрее”».

2. Настоятель должен быть моральным авторитетом для прихожан, искренним, а не фальшивым в своих проповедях. В записке приводится печальный пример неудачной проповеди. Один из священнослужителей на праздник Преображения Господня в проповеди комментировал текст тропаря, а именно следующие слова: «Да возсияет и нам грешным Свет Твой присносущный». Священник произнес такое поучение: «Не просите, чтобы Свет этот возсиял вам — попалит вас грешных!»

3. Настоятель должен не сеять вражду среди членов прихода, а вносить повсюду свою любовь.

4. Настоятель должен быть умным, образованным и тактичным, чтобы иметь возможность вести миссионерскую работу и объединять всех русских в лоне Православной Церкви¹⁴.

Таким представлялся образ пастыря, «начертанный» И. П. Четвериковым для прихода в Штутгарте. Достаточно идеальный образ, но следует понимать настроение профессора, который в конце записки написал владыке Венедикту следующее:

«Очень прошу Ваше Высокопреосвященство сообщить мне о результате моей “докладной записки”, чтобы я мог своевременно решить вопрос о моем отношении к Штутгартской церкви»¹⁵. Полагаем, что автору записки было невыносимо оставаться прихожанином Свято-Николаевского прихода в условиях, которые он так подробно описал. Вероятно, он ждал решения правящего архиерея, смены духовенства. После наступления ожидаемых перемен Иван Пименович должен был принять решение, оставаться прихожанином Штутгарта или просить благословения перейти географически в другой православный приход.

В связи с прозелитизмом протестантов автор записки видел крайне востребованной задачей православное миссионерство среди немецкого населения Штутгарта и окрестностей. Протестанты, по свидетельству И. П. Четверикова, переживали серьезные и глубокие идейные брожения внутри деноминаций. Да, протестанты занимались прозелитизмом, но в то же время настойчиво искали пути возвращения к первоначальному христианству и с этой целью пытливно изучали православную веру. Профессор призывал епархиальное руководство поставить перед приходом Штутгарта задачу познакомить немцев с Православной Церковью, как это делал покойный митрополит Берлинский и Германский Серафим (Ляде), скончавшийся в сентябре 1950 г. Архимандрит Димитрий (Биакай) в свое время занимался некоторой работой в этом направлении, хотя ему мешало незнание немецкого языка. Тем не менее, с помощью переводчика о. Димитрий стремился пояснить немцам важные церковно-богословские вопросы с точки зрения Православия¹⁶.

Выводы

Таким образом, докладная записка И. П. Четверикова отражала заметные колебания религиозных настроений эмигрантов, относившихся к Свято-Николаевскому приходу города Штутгарта. Главную причину отхода эмигрантов — как старой, так

и новой волны — профессор видел в уровне религиозности и образованности приходского духовенства. По его мнению, скорейшая замена настоятеля о. Василия Виноградова образованным, тактичным, искренне служащим священником могла привести ситуацию на приходе в нормальное русло.

Наряду с этим профессор И. П. Четвериков сделал в своей записке обобщения, которые представляются нам всё-таки его личным, субъективным, хотя и очень последовательным взглядом на ситуацию с уровнем религиозности православных людей в Германии. Серьезным здесь остается вопрос: как измерить уровень религиозности и возможно ли это вообще сделать? Где найти прибор для определения уровня глубины веры, если в Священном Писании Господь глаголет: «Сыне, даждь Ми сердце»? Возможно ли человеку измерить духовное состояние сердца?

Субъективный характер мнения профессора И. П. Четверикова мы видим в следующем. Дело в том, что послевоенная Германия пережила несколько этапов развития православных приходов лиц, которых международные организации квалифицировали как Ди-Пи. Различные категории лиц, получивших статус перемещенных, переживали, надо полагать, и различные уровни религиозности и отношения к Церкви. Вторая мировая война как величайшая гуманитарная катастрофа привела к усилению религиозных чувств русских людей, где бы они ни находились — под немецкой оккупацией, в плену, на положении «восточных рабочих», в антисоветских вооруженных формированиях, в Красной Армии, в советском тылу, в лагерях беженцев. Люди естественно обращались к молитве, к Богу, когда не видели других средств выживания и спасения. Однако со временем, начиная с 1947 г., из Германии начался отъезд значительного числа насельников лагерей перемещенных лиц в страны Западного полушария, Северную Африку и Австралию. Выезжали миряне и духовенство, следовательно, менялся и их качественный состав. Менялся и уровень экономического благосостояния. Германия восставала из руин. На смену императиву «выжить и спастись» приходили: поиск более комфортного проживания, стремление к материальному обогащению, сближение с протестантским пониманием жизни, в котором Бог спасает исключительно за веру, и прочие неизбежные явления.

На разных этапах действовала также комбинация внешних факторов, влиявших на уровень религиозности. К таковым относятся: деятельность Агентства ООН по восстановлению и вопросам беженцев (УНРРА) и Международной организации по вопросам беженцев, советских репатриационных комиссий; специфическая политика оккупационных властей США, Великобритании и Франции на территории бывшего рейха.

На момент составления докладной записки, в 1950 г. профессор И. П. Четвериков с горечью наблюдал результаты всех вышеназванных явлений. Бывший участником церковной жизни в Вендлингенской общине протоиерея Адриана Рымаренко, «искавший горня», профессор не переносил фальши богослужений и формальности проповедей, которые он видел на штутгартском приходе после отъезда архимандрита Димитрия. По крайней мере, такой вывод можно сделать по прочтении докладной записки. В то же время мы не знаем, какое решение принял или какое суждение имел (и имел ли) тот самый епархиальный Епископский совет, который мы упомянули в начале статьи, по документу профессора И. П. Четверикова. Источники на этот счет автором пока не выявлены.

В заключение следует подчеркнуть, что анализ уровня и контента религиозности послевоенной эмиграции волновал умы различных ее представителей, а не только профессора И. П. Четверикова. К изучению настроений, к осмыслению того, чем жила послевоенная эмиграция в лагерях Ди-Пи и в странах расселения (США, Канада, Австралия, Южная Америка), обращались в своих сочинениях и священнослужители и миряне.

Примечания

¹ *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917—1988 гг.). СПб., 2008; *Попов А. В.* Новая книга о зарубежной архивной россике // Вестник РГГУ. Сер.: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2015. № 1. Рец. на кн.: *Сабенникова И. В., Генштке В. Л.* Зарубежная архивная россика: география, размещение, выявление, публикация источников. М., 2014. 408 с.; *Медведева Т. А., Бушуева С. В.* Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции //

- Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2; *Кодин Е. В.* Николай Троицкий: от симбирского повстанца до директора Мюнхенского института по изучению СССР // Новый исторический вестник. 2013. № 3; *Гентике В. Л., Сабенникова И. В., Ловцов А. С.* Исследователи Русского зарубежья : биобиблиографический словарь. = The Researchers of Russian Diaspora: Biobibliographical Reference Book. М.; Берлин, 2018.
- ² Российское научное зарубежье: материалы для библиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / под ред. *Н. Ю. Масоликовой, М. Ю. Сорокиной.* М., 2010. С. 104—105; См. также: *Стоюхина Н. Ю., Мазилев В. А.* Четвериков Иван Пименович: данные биографии // История российской психологии в лицах: дайджест. 2016. № 4. С. 35—36.
- ³ См.: Личное дело протоиерея Адриана Рымаренко // Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей (далее — АГЕ). Ф. 2. Л. 28.
- ⁴ *Корнилов А. А.* Деятельность Вендлингенской общины православных беженцев в послевоенной Германии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.: История Русской православной церкви. Т. 2, № 3. 2013. С. 62—77.
- ⁵ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Архиепископу Германскому докладная записка бывшего профессора Киевской Духовной Академии И. Четверикова. 29.10.1950 // АГЕ. Ф. 3. Оп. 1. К. 50. Д. 50/1 (Штутгарт, Свято-Николаевская церковь) (далее — Докладная записка И. Четверикова).
- ⁶ Там же. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 2.
- ⁸ Там же. Л. 3.
- ⁹ АГЕ. Ф. 2. Д. Архимандрит Димитрий (Биакай). Л. 12.
- ¹⁰ Указ Епархиального управления Православной Епархии в Германии. 10 марта 1949 г. № 199 // АГЕ. Ф. 3. Оп. 1. К. 50. Д. 50/1.
- ¹¹ Там же. Л. 6.
- ¹² АГЕ. Ф. 2. Д. Архимандрит Димитрий (Биакай). Л. 4.
- ¹³ Там же. Л. 1.
- ¹⁴ Докладная записка И. Четверикова. Л. 4—5.
- ¹⁵ Там же. Л. 6.
- ¹⁶ Там же.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

О. В. Шимельфениг

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ САРАТОВА НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Введение

События последней трети XX столетия стали переломными в истории России. Перестройка, а затем крутой поворот к рыночной экономике отразились на всей духовной и материальной культуре страны, существенные части которой приобрели еще и собственную государственность. Человечество в целом приближается к коллапсу потребительского общества, в котором постоянно возникают очередные глобальные проблемы, обусловленные кризисом базовых мировоззренческих идей, лежащих в основе объективистских парадигм прошлого тысячелетия. Интеллигенция Саратова стала участвовать в трех мощных движениях по обновлению и оздоровлению духовной атмосферы общества: в разработке инновационных игровых форм, способствующих трансформации мировоззрения; в религиозном возрождении и установлении межконфессионального и межнационального согласия; в формировании технологий повышения качества жизнедеятельности.

Автор этого исследования оказался среди инициаторов всех трех движений в своем регионе, предложив в качестве мировоззренческой методологической основы проводимых мероприятий

© Шимельфениг О. В., 2019

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры геометрии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. shim.ov@mail.ru

Schimelfenig Oleg Vladimirovich — candidate of physical and mathematical sciences, docent, associate professor of the Department of Geometry, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky.

и разработок — сюжетно-игровую картину мира¹, которая обобщает системный подход, избавляя его от опасного крена в сторону объективизма и одностороннего материализма; обнажает неочевидный процесс формирования нашей общей совместной жизни через взаимодействие индивидуальных восприятий, чувств, мыслей и поступков каждого участника Вселенской Драмы, в то время как традиционная объективистская картина мира обычно создает иллюзию якобы «независимости» человека и целостного Универсума, сводящегося к механическим «закономерностям», что провоцирует безответственность на всех уровнях социума.

1. Оргкомитет по проблемно-деловым играм при Поволжском отделении Российского философского общества

Деятельность Саратовского оргкомитета по проблемно-деловым играм, которая довольно быстро приобрела всесоюзный масштаб, началась с моих научных исследований по теме «Сюжетно-игровой подход к моделированию сложных систем» на механико-математическом факультете Саратовского госуниверситета в 1969 году. Эти математические конструкции оказались полезными при разработке первых версий искусственного интеллекта. Они осуществлялись в лаборатории Научно-исследовательского центра электронной вычислительной техники (НИЦЭВТ), находящейся при Институте физиологии академика П. К. Анохина, с которым я начал сотрудничать в 1970 году.

В том же 1970 году на механико-математическом факультете СГУ мною был организован постоянный научный семинар «Математические модели поведения». Его работа оказалась настолько продуктивной, что с 1972 года в Саратовском университете начал выходить одноименный периодический межвузовский научный сборник «Математические модели поведения», ответственным редактором которого я и стал. В редколлегию вошли известные специалисты математики и кибернетики: Н. Н. Моисеев — академик, зам. директора ВЦ АН СССР, Н. Н. Воробьев — профессор, глава российской школы теории игр, Б. Г. Миркин — воспитанник нашей кафедры, ставший специалистом мирового уровня по математическим методам в социологии; сотрудники кафедры В. В. Розен, В. Н. Салий, Б. М. Шайн, а также

В. А. Твердохлебов — соратник будущего ректора СГУ А. М. Богомолова. Почти все участники семинара — авторы сборников впоследствии защитили диссертации и стали известными специалистами; публиковались в нем и ведущие научные сотрудники Института психологии АН СССР, ВЦ АН СССР, коллеги из республиканских академических институтов. С 1973 по 1981 год вышло пять выпусков сборника².

Далее события развивались так. В Москве на одном из методологических семинаров известного отечественного философа Г. П. Щедровицкого, где мне приходилось бывать с 1970 года и выступать с докладами, я познакомил Георгия Петровича со своей депонированной работой «Сюжетно-игровой подход к моделированию сложных систем»³. Прочитав ее, он пригласил меня принять участие в своих оргдеятельностных играх, трансформирующих мировоззрение огромных коллективов предприятий, учебных заведений и представителей целых отраслей производства и культуры. В 1985 году после моего доклада «Игровое моделирование» в Институте проблем развития агропромышленного комплекса АН СССР (в г. Саратове) его директор — профессор В. Б. Островский предлагает мне сформировать группу специалистов с целью проведения деловой игры с коллективом по разработке программы деятельности института на следующую пятилетку. В процессе этой работы появилась оригинальная форма **проблемно-деловой игры** и родилась саратовская команда, которая сразу же оказалась востребованной многими организациями в нашей стране.

В 1986 году формируется тематическая группа (и постоянный оргкомитет) по проблемно-деловым играм при Поволжском отделении Философского общества СССР в Саратове. В ее состав входят: О. В. Шимельфениг, Т. П. Фокина, В. Н. Южаков, С. И. Замогильный, В. А. Орлов, С. М. Пампура, В. В. Хасин, Н. Н. Слонов, В. Н. Давыдов, А. В. Шминке, Е. В. Филиппов, Е. Г. Юрьев, Н. Н. Васильев. В «Информационных материалах» ФО АН СССР (№ 3 за 1987 г.) появляется статья о работе этой группы⁴.

Проблемно-деловая игра (ПДИ) — это чаще всего трехдневный, а в общем случае от одного до восьми дней, процесс коллективной работы «критического» ядра (в среднем человек 40) некоторой организации, определяющей направление и перспективы

своего развития в изменяющихся условиях. Работа проходит под руководством коллектива организаторов, которые готовят сценарий, образуют «жюри» для оценки выступлений участников. Каждой из групп «игроков» помогает методолог и психолог. Именно в 1986—1991 годы для организаций, в том числе таких крупных, как саратовские СЭПО, «Тантал», Главюгтрансгаз, а также Союз кинематографистов СССР, Адмиралтейство и другие, существовала, с одной стороны, острая потребность «определиться» в новых для себя условиях, а с другой — «заказать» и провести такое сложное и дорогостоящее (в те времена — не столько в финансовом, сколько в кадровом отношении) действие. Подобно проблемному семинару ПДИ проходила на территории пионерлагеря или на базе отдыха с выездом всех организаторов и участников за город — для полного погружения в тему.

ПДИ основательно разработана и как методология, и как социальная технология, и как совокупность техник, она многократно описана — в разных аспектах авторами, большинство которых философы, а также психологи, инженеры, экономисты, ставшие специалистами нового профиля — *организаторами коллективной мыследеятельности*. Наиболее полное представление авторов о ПДИ выражено в коллективном труде «Проблемно-деловая игра как метод управления общественным развитием»⁵. Книга вышла под редакцией инициатора и наиболее активных членов творческой группы: О. В. Шимельфенига, В. Н. Южакова, Т. П. Фокиной.

Основным техническим содержанием процесса было чередование групповой работы «игроков», заслушивание и обсуждение групповых докладов на общих собраниях (конференциях), а также оформление письменных материалов (документов) игры; нередко по результатам игры составлялся обстоятельный «итоговый документ» и подписывались приказы о назначениях на ответственные должности⁶.

Как показывает само название, авторы новой социальной технологии определили ее место в ряду деловых игр. Действительно, многое взято из социальных технологий, известных как организационно-деятельностные игры Г. П. Щедровицкого, инновационные игры В. С. Дудченко, производственные игры М. М. Бирштейн, управленческие имитационные игры В. Ф. Комарова и т. п. Саратовская технология, относясь к классу деловых

игр (*business-games*), получила характеристику «проблемная» соответственно своей направленности — прежде всего на исследование сложной социальной ситуации, в которой оказалась данная организация на фоне проблем, стоящих перед всей страной. С этим связаны особенности ПДИ: высокий уровень методологической, социологической и культурологической рефлексии (это определялось составом методологов); сложная структура игры (исследование проблемного поля, «идеальная» модель решения, «погружение» этой модели в реальность, наработка конкретных путей реального решения проблем); целенаправленная работа на разрушение традиционных стереотипов мышления («антиконцепция») и психологические техники усиления внимания к проблемным узлам ситуации («провокации» типа «вызываю огонь на себя»), и т. д.

Деятельность творческой группы ПДИ быстро перешла рамки города и региона: нашлись «заказчики» ПДИ в Москве и Ленинграде, Симферополе и Тбилиси, Куйбышеве (Самаре) и Ангарске и других городах. Проблемно-деловые игры в разных формах и объемах — от доброжелательного упоминания до целой газетной полосы — отражались на страницах прессы — от заводской и вузовской многотиражек до «Известий», «Литературной газеты», «Советской России»; этой теме посвящались передачи местного радио и телевидения; саратовская ПДИ стала сюжетом специального выпуска Всесоюзного «Прожектора перестройки». Приведу для примера краткую информацию о результатах ПДИ в трех организациях.

ПДИ «Обновление» в Саратовском электроагрегатном производственном объединении. Цель игры — определить основные направления совершенствования производства, обнаружить узкие места в деятельности рабочего, мастера, бригадира, начальника цеха, директора и наметить пути преодоления имеющихся недостатков.

В результате игры были получены документы: основные направления совершенствования производства; положение о совете начальников цехов и отделов; план мероприятий по переводу объединения на 2-3-сменный режим работы; анкеты для оценки деловых качеств руководителей и специалистов; образцы товаров народного потребления; показатели по переводу

объединения на новые условия хозяйствования. Игра выявила также кадровые резервы руководства (август 1986 г.).

ПДИ «Видео» проводилась на одном из крупнейших саратовских производственных объединений — «Тантал». Цели игры: разработка основных направлений формирования структур производства видеотехники; предложения по разработке системы подготовки и отбора руководящих кадров в объединении; выборы инициативной группы «Видео» (июнь 1987 г.).

ПДИ «Трансконтакт» проводилась в объединении «Саратов-югтрансгаз». Цели игры: 1) выработка принципов и алгоритма применения научных разработок в области транспортировки и хранения газа; 2) выявление не закрытых научными разработками технических и технологических проблем, учет не нашедших практического применения разработок и возможностей науки; 3) заключение предварительных договоров и получение ранжированного списка научно-технических разработок, годных к применению (сентябрь 1987 г.).

Некоторые ПДИ саратовцев оказались существенным компонентом значительных событий времен перестройки. Так, о ПДИ «Перспектива» на II пленуме правления Союза кинематографистов председатель Госкино СССР А. Камшалов сказал: «Время, которое мы переживаем после V съезда кинематографистов — очень напряженное и плодотворное... Это время подготовило болшевскую проблемно-деловую игру, когда практически впервые за последние годы представители Союза и Госкино сели за один стол для определения путей развития кинематографа».

Это было время, когда проводилось более десяти крупных мероприятий в году. Наша команда интенсивно готовит себе кадры и расширяется — приходят новые психологи, философы, экономисты, юристы, а также опытные, но не «зацикленные» на старом, руководители предприятий в качестве консультантов и экспертов. ПДИ как социальная технология — эффективный инструмент пробуждения коллективного творчества и достижения социального консенсуса в локальных рамках на наличном уровне осознания реальности. В этом качестве она может быть рано или поздно востребована как принцип, но, возможно, будет принимать разные формы и выступать под разными наименованиями⁷.

Следует отметить, что во многом именно форма игры дала возможность пробуждаться творческому потенциалу сотрудников и руководителей многочисленных организаций, с которыми мы работали на протяжении этих лет. Дальнейшая судьба участников нашей команды и самой технологии тоже достаточно незаурядна: они стали докторами и кандидатами наук, профессорами, руководителями творческих коллективов и организаций, депутатами, предпринимателями, консультантами высокого класса — разработчиками разнообразных проектов, тренингов, программ стратегического развития и т. д. Сама же технология проблемно-деловой игры послужила основой и дала импульс к созданию новых форм активного обучения и консультирования.

2. Деятельность Межконфессионального Фонда

В Саратове уже с конца 80-х годов сложилась достаточно уникальная ситуация, способствующая духовно-организационной и просветительской работе. Саратовское Епархиальное управление возглавлял с 1965 года, без малого 30 лет, выдающийся духовный деятель архиепископ Саратовский и Волгоградский Пимен (Д. Е. Хмелевской), родственник А. С. Пушкина и героев Отечественной войны 1812 года. В 80-е же годы в Саратове начал работать молодой мусульманский лидер Мукаддас-хазрат Бибарсов, родом из знаменитого села Средняя Елюзань Пензенской области, которое считается «русской Меккой» — даже в советские времена там действовали *несколько (!)* мечетей. Эти два выдающихся представителя православия и ислама, совместно с организуемым уже в те годы Межконфессиональным Фондом, начали продуктивный диалог и сотрудничество по возрождению духовных традиций.

Инициатором создания общественной некоммерческой организации «Фонд научных и культурных инициатив межконфессионального сотрудничества» выступила кандидат философских наук, преподаватель Педагогического института Лилия Яковлевна Солодовниченко, ставшая президентом Фонда, а я — руководителем Аналитической группы; в Совет Фонда вошли лидеры основных религиозных конфессий Саратова и национальных Культурных центров. Наш Фонд оказался сразу востребованным и естественно определилась его *миссия*: сотрудничество и помощь

в возрождении религиозных общин; развитие общественных международных связей и контактов; поддержка социально-культурных взаимодействий различных историко-политических систем. Фонд осуществляет культурно-просветительскую, научную, издательскую, лекционную, консультативную, информационную, аналитическую, миротворческую, благотворительную деятельность и способствует установлению продуктивного межнационального диалога.

С 1991 года Фонд оказывал помощь в работе Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение», собирая материал для многотомника «Российские немцы: жизнь и судьба (неизвестные страницы)»; осуществлял работу по возрождению православных периодических изданий (журнал «Саратовские епархиальные ведомости»); участвовал в создании курдского национально-культурного Центра «Ронаи» в Саратовской области, а президент Фонда стал советником «Ронаи» по делам общественных объединений и религиозных организаций; мы оказывали помощь в возрождении всех традиционных конфессий (православие, старообрядчество, католичество, лютеранство, ислам, иудаизм), а также национально-культурных объединений Саратовской области; участвовали в работе Всероссийских и международных конференций; в 1992 году приняли участие в открытии Национальной (татарской) гимназии, где президент Фонда стал читать спецкурс «История мировых религий».

В 1996 году Фонд помогает Православной Церкви в возвращении зданий бывшего архиерейского комплекса, оформлении документов и открытии там Саратовской Духовной семинарии. В том же году Фонд начинает издание Московской областной лютеранской газеты-журнала «Старосадский вестник» (на русском и немецком языках); президент Фонда назначается пресс-секретарем Духовного Управления мусульман Поволжья и выезжает в «горячие» точки (Ингушетия, Осетия, Чечня, Дагестан).

В 1997 году президент Фонда и руководитель Аналитической группы становятся членами Общественного Консультативного Совета при мэрии г. Саратова. В этом же году Фонд организует и проводит проблемный семинар «Особенности развития национальных культур Поволжья в современных условиях», по результатам которого создается общественный

научно-методический Совет по национальной политике и Координационный Совет по национальной политике при губернаторе Саратовской области.

В 1998 году Фонд принимает участие в возрождении армянской общины в Санкт-Петербурге с Езрасом Нерсисяном, который впоследствии стал главой Армянской Апостольской Церкви России; помогает возобновлению работы буддийского храма (дацана) в Санкт-Петербурге; способствует созданию и выпуску газеты «Матенадаран» армянской общины «Крунк» Саратовской области; публикует статьи в центральных газетах и журналах Татарстана: «Татар иле», «Казан утлары», «Ватаным Татарстан»; участвует в создании национально-культурной автономии татар на территории Саратовской области; организует ЗАО «Илгизер», занимающееся благотворительной туристической деятельностью.

В 1998—2001 годы Фонд способствует подписанию руководителями национально-культурных объединений Саратовской области Договора об общественном согласии и партнерстве; ведет большую целенаправленную работу совместно с Правительством Саратовской области и национально-культурными объединениями по реализации Программы социального и национально-культурного развития народов Саратовской области. В 1999 году Фонд принимает участие в подготовке и проведении Ассамблеи народов Саратовской области, а в 2001 — в подготовке и проведении форума «Мусульманская молодежь против наркотиков»; президент Фонда работает в качестве помощника по наркологической программе главы Духовного Управления мусульман Поволжья М. Бибарсова; в 2003 году участвует как кандидат в депутаты на выборах в Госдуму от политической партии «Справедливость и развитие России», а также является членом Общественной палаты Саратовской области.

В последние годы Фондом осуществляются ряд многоаспектных Программ⁸.

Первая Программа, посвященная исследованию картин мира, реализовывалась на основе городского проблемного семинара «*Беседы о реальности*», проходившего на факультете философии и психологии Саратовского госуниверситета на протяжении двух учебных лет (2005/06 и 2006/07) и ставшего, по сути, глубоким мониторингом мировоззренческих позиций широкого круга

интеллектуальной элиты города Саратова. Межконфессиональным Фондом и университетом были приглашены около сорока ведущих ученых (физики, математики, философы, психологи и т. д.), религиозные и общественные деятели, писатели и журналисты, студенческая молодежь — для участия в восьми трехчасовых Актах-Беседах под видеозапись по проблеме «*Что есть реальность?*». Расшифрованный текст этих видеозаписей, вместе с добавленной второй частью «Три года спустя: интерактив в Интернете» легли в основу коллективной монографии⁹, а также статьи¹⁰.

Эта продолжительная коллективная работа, где участники готовили и делали обстоятельные доклады, оппонировали друг другу, показала отсутствие у многих дискуссионщиков осознанности мировоззренческой позиции, приверженность шаблонам уходящей эпохи и декларативность духовных воззрений. Если посмотреть на весь Большой Сюжет («Беседы» и «Интерактив в Интернете»), то его можно осмыслить как *конфликт, борьбу двух типов мировоззрений: теистического и материалистического*. Эту борьбу можно зафиксировать на как бы «внешней сцене» — между персонажами, которых можно отнести в тот или иной «лагерь»; и на «внутренней сцене» — в психическом мире каждого человека, исследование которого требует особых усилий и методов.

Вторая Программа — «**Международный паломнический центр**» состоит из 6 проектов: «Святые Отечества. Возвращение к истокам», «Наследие буддизма. Путь к пробуждению», «Пять сокровищ Пророка. Шаг на пути к Аллаху», научно-исследовательские и просветительские проекты «Евангелическо-лютеранские и римско-католические церкви Поволжья» и историко-культурный проект «Русские евреи». Большая часть проектов уже реализована, результаты отражены в ежегодных Отчетах Фонда в Минюст РФ и в научных публикациях, с которыми можно ознакомиться и на сайте Фонда *shimsol.ru*.

Третья Программа, посвященная межконфессиональному сотрудничеству, находится в стадии завершения. В соответствии с ней проведены следующие *круглые столы*: «Воспитание духовности в системе государственного образования. Поиски решения» — прошел в Общественной палате Саратовской области 28—29 мая 2004 года в форме проблемного семинара; «Буддизм на рубеже тысячелетий» — также на базе Общественной палаты

(2005 г.); «Иоанн Павел II. Экуменизм и толерантность» (посвящен его памяти, 2006 г.) — в Кафедральном соборе святых апостолов Петра и Павла г. Саратова; «Благотворительность как проявление духовности» — проведен Межконфессиональным Фондом совместно с Саратовской иудейской общиной; международный «круглый стол» «Светское образование и духовность» на базе Евангелическо-Лютеранской церкви Ингрии в приходе св. Иоанна. В этих мероприятиях принимали активное участие ведущие ученые всех вузов Саратова, депутаты Областной и Городской дум, представители Администрации области и города, религиозные и общественные деятели, гости из других регионов и из-за рубежа; имеются видеозаписи и стенограммы, которые частично вошли в ряд публикаций и легли в основу многих государственных документов.

И, наконец, в качестве еще одного яркого примера неординарного сюжета в нашей межконфессиональной работе упомяну только сотрудничество Фонда с Духовным Управлением мусульман и с Правительством Чеченской Республики. В августе 2009 года мы были приглашены в Грозный на Межрегиональную конференцию «Мусульманская женщина в современном обществе», где выступили с докладом и приняли участие в ведении конференции; также сделали 11 часов видеозаписей и на самой конференции, и в поездках по Чечне: по Шатойскому, Веденскому и другим районам, по святым для чеченцев местам. В итоге на основе нашего сценария и с использованием наших видеоматериалов на киностудии Чеченской Республики был создан часовой документальный фильм «Рай находится у ног наших матерей», который осенью 2009 года с успехом прошел по экранам Республики и был показан на Международном Фестивале документальных фильмов «МедиаФреш в Перми, 2—4 июня 2011 года».

В мае 2010 года мы уже с самого начала помогали в организации и проведении в Грозном III Международного миротворческого форума (ММФ) «Ислам — религия мира и созидания» по теме «Мусульманский мир и Россия». Поскольку Фонд более 20 лет сотрудничает с главами большинства конфессий, с ведущими учеными и деятелями искусства, то нам удалось договориться об участии многих из них в работе Форума.

Четвертая Программа представляет собой создание многоавторского «*Мировые религии*». Особенностью данной работы является непосредственное участие в ней глав и представителей духовенства ведущих конфессий России, а также ученых. Увидели свет две книги: «Суфизм — глобальная картина мира»¹¹ и «Ислам — религия мира и созидания»¹². Подготовлены к печати «Христианство (Православие, Старообрядчество, Католичество, Протестантизм)» (в соавторстве с участником Ивановских конференций по интеллектоведению профессором Костромского технологического государственного университета А. А. Соловьевым) и «Духовная культура евреев»; готовится к изданию «Индуизм, Буддизм, Даосизм, Конфуцианство». Нас постоянно приглашают на международные научно-теоретические и практические конференции по комплексной тематике (науки, религии и образование); только с 2004 года нами опубликовано в журналах, в том числе из списка ВАК, более 30 научных статей¹³. Представляется, что как в публикуемых текстах, так и во всей этой инновационной работе нам удастся интегрировать идеи Востока и Запада, науки, искусства и духовных традиций.

3. Саратовское отделение Академии проблем качества Российской Федерации

Межрегиональная общественная организация «Академия проблем качества» зарегистрирована как юридическое лицо 3 декабря 1993 года. Это общественное объединение граждан имеет своей целью консолидацию потенциала научного сообщества страны в направлении решения актуальных проблем качества жизни как целевой установки развития российского общества. Деятельность Академии направлена на общественную мотивацию, поддержку и стимулирование проведения фундаментальных, теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам качества и их практического внедрения в социально-экономической, производственной, научной, образовательной, потребительской и других сферах деятельности государства.

Высшим органом управления Академии является конференция делегатов отделений. Руководство текущей деятельностью осуществляет президиум организации и его бюро во главе с президентом Академии. За годы деятельности Академией

проблем качества создан большой научно-технический потенциал. В ее составе более 2300 действительных членов и членов-корреспондентов, объединенных в центральный орган организации, 34 региональных и 34 отраслевых и проблемных отделений. Среди членов Академии более тысячи докторов и 800 кандидатов наук, около 200 руководителей ведущих организаций, представляющих российские научно-исследовательские институты и научные центры, высшие учебные заведения и предприятия страны.

С 1994 года я являюсь действительным членом и вице-президентом Саратовского отделения Академии. При моем непосредственном участии наше отделение за время своего существования реализовало много разнообразных проектов в сферах промышленности, управления, образования, в том числе следующие.

Постановлением Администрации Саратовской области от 29 апреля 1994 года № 184 была создана рабочая группа, возглавляемая первым заместителем главы администрации области Э. Янкевичем, с целью разработки *областной комплексной программы по обеспечению качества продукции и услуг*. По инициативе Э. Янкевича, а также членов рабочей группы (Л. Назаров — председатель комитета материальных ресурсов администрации области, И. Якунин — директор Саратовского центра стандартизации, метрологии и сертификации, В. Федоров — заместитель директора по качеству ГНПП «Алмаз», В. Седельников — директор НИЦ «Сертификация» РАН) было предложено применить специальную технологию Проблемно-деловых игр. Руководство разработкой Областной программы было поручено члену рабочей группы О. Шимельфенигу — доценту Саратовского университета, директору консалтингового предприятия «Ли́ла». Процесс реализации этого проекта и его результаты подробно изложены в статье пресс-секретаря СЦСМ Т. Боровской¹⁴.

Саратовским отделением Академии осуществлена серия мероприятий по увековечиванию памяти Дубовикова Бориса Александровича (1906—1988; с 1955 по 1957 г. — директор Саратовского авиационного завода) — создателя Саратовской системы бездефектного изготовления продукции, основоположника системного подхода к управлению качеством в СССР. В 2005 году саратовской системе исполнилось 50 лет, и именно в Саратове

10—11 ноября 2005 года проходил «Всемирный день качества в России». Ведущей организацией периодических профессиональных изданий по вопросам контроля и обеспечения качества и безопасности продукции, совершенствования управления, производственных систем и бизнес-процессов — РИА «Стандарты и качество» — был выпущен сборник материалов одноименного журнала, посвященный 50-летию создания Саратовской системы бездефектного изготовления продукции.

Сила Саратовской системы бездефектного труда (СБТ) заключается в признании того факта, что каждый нормальный человек стремится к получению максимального удовлетворения от своего труда; и если человек убежден в том, что делает нужное дело, он сам наметит цель, необходимую для достижения совершенства в работе. Согласно СБТ работников не наказывают за дефекты, зато награждают за их отсутствие, не ругают за плохую работу, зато хвалят за хорошую.

Для того чтобы каждый понял, что брак не пройдет и работать по-старому не получится, понадобилось немало времени. Завод встал! Выпуск самолетов прекратился совсем. Можно представить, что пришлось выдержать директору Б. А. Дубовикову, когда гигантский завод простаивал почти полгода (в 1955 г.). Здесь понадобилась его железная воля.

И директор со своей командой победил. Завод пошел! Во всех цехах была внедрена система бездефектного труда, закрыт цех доводки самолетов. Были ликвидированы дефектные ведомости, а отдел технического контроля завода вместо обнаружения брака стал заниматься его предотвращением. Завод покрыл все убытки, эффективность СБТ оказалась колоссальной!

Система бездефектного труда распространилась по всей стране и за ее пределами. К декабрю 1966 г. она была внедрена на 5 тыс. предприятий, научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, а это почти 5 млн рабочих и инженерно-технических работников.

В США аналог Саратовской системы был назван «Zero defects program» (разумеется, без всяких ссылок на ее автора, ведь во всем «самыми первыми» должны быть американцы). Энергичные и практичные, они ухватили самую суть системы — управление качеством продукции путем управления качеством

труда ее создателей — и быстро распространили ее по всем космическим и оборонным предприятиям США (см.: Наставление Министерства обороны США № 4155.12-Н от 1 ноября 1965 г.). Люди старшего поколения помнят то время, когда в СССР на космические орбиты выводили капсулы с подопытными животными, американцы никак не могли запустить в космос спутники тяжелее апельсина. Внедрение системы на предприятиях, работавших на космос, позволило США добиться существенного прогресса и сократить отставание от СССР в этой области.

Работая заместителем главного инженера Подольского механического завода (1940—1942), Дубовиков сумел внедрить конвейерную сборку, ранее считавшуюся неприемлемой для авиационной промышленности. Это позволило увеличить выпуск бронекорпусов для ИЛ-2 в несколько раз. Работая директором Саратовского завода № 306 (СЭПО), Борис Александрович создал в 1954 году первую сервисную сеть по ремонту бытовой техники — холодильников «Саратов». С 1967 по 1971 год он — заместитель председателя Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР. В 1970 году Б. А. Дубовиков защитил докторскую диссертацию. В 1975 году он написал книгу по управлению качеством, в которой проанализировал все системы управления качеством, известные в то время. В последние годы Борис Александрович работал профессором в Московском авиационно-технологическом институте (МАТИ), где начал внедрять свою систему и в учебный процесс. Им было опубликовано 3 монографии и более 30 печатных трудов.

В наше время в России началось возрождение Саратовской системы, и опять на Саратовской земле. Заслуга в этом принадлежит, прежде всего, кандидату технических наук В. Г. Федорову — первому вице-президенту Академии проблем качества. По инициативе Саратовского отделения Академии и при активной поддержке губернатора области в Саратове были учреждены премии правительства Саратовской области им. Б. А. Дубовикова «За достижения в области качества». Его имя присвоено Саратовскому Центру стандартизации и метрологии; в честь Бориса Александровича в Ленинском районе Саратова появилась улица Дубовикова.

Разрабатываемая мной сюжетно-игровая парадигма, в силу своей универсальности, успешно применяется и в сфере качества

не только при разработке и внедрении различных социально-экономических и производственных инноваций, но и в научных исследованиях, и в обучении. Так, совместно с самарским специалистом по управлению профессором Б. Н. Герасимовым была выполнена работа, опубликованная недавно в журнале «Качество и жизнь» из списка ВАК¹⁵. Когда Саратовский университет стал готовить студентов по специальности «юрист-информатик», я взялся разработать *цикл* из 5 курсов лекций с 3-го по 7-й семестры на основе общей мировоззренческой парадигмы — ***Сюжетно-игровой картины мира***, так как юридическая деятельность испокон веков возникает из разбора конфликтов и оформляется как соревновательный диспут сторон.

Первая дисциплина цикла — это читаемый во всех вузах курс «Концепции современного естествознания». Однако я ввожу естествознание в более широкий, действительно *концептуальный*, контекст, начиная с обсуждения понятий: картина мира, концепция, теория, модель и их роли в жизни человека и общества. Раздел 1 «Системный кризис цивилизации» (экологические и военные катастрофы, геноцид, рост полярности в условиях жизни, экстремизм и терроризм, конфликт гуманитарных и религиозных образов мироздания с естественно-научными концептами). Раздел 2 посвящен донаучным и «постнаучным» картинам мира (включая религиозные и постмодернистские представления о мире). Раздел 3 «Эволюция естественно-научной картины мира» содержит обязательный набор сведений от античной науки к Копернику, Кеплеру, Ньютону, Фарадею... Эйнштейну, Бору до синергетики, учения о ноосфере, антропного принципа и становления глобальной науки, связанной с тем самым кризисом европейской цивилизации. Завершает всё раздел 4 «Целостная картина мира» (учитывающая наличие и приоритет психических и духовных аспектов человека и Вселенной), строящаяся на основе сюжетно-игровой парадигмы.

Следующая дисциплина цикла — «Модели поведения». Будущим специалистам — практически в любой области — полезно знать способы организации индивидуального и коллективного поведения, его модели, в том числе и математические, освоить принципы и методы работы с персоналом, диагностики и тестирования, активного обучения и деловых игр.

Третьим идет курс «Конфликтология и менеджмент», в котором изучается конфликтология как теория и практика разрешения и «разыгрывания» конфликтов; представлена технология общения в конфликте и методы разрешения конфликтов; технология переговорного процесса; даны модели рыночного поведения, вскрывающие сущность и характерные черты современного менеджмента — его цели, задачи, функции, системообразующие принципы управления, методы анализа внешней и внутренней среды; характеристика стратегического управления. Изучаются механизмы конкуренции и проблемы создания конкурентной среды в Российской Федерации; рассматривается сюжетно-игровое моделирование поведения на основе базовых понятий: сюжет, сценарий, игра и его приложения в тренингах и в практике управления; рассмотрены международные, государственные и местные законы как правила регулирования поведения в обществе и процедура принятия законов.

Четвертый блок цикла — это «Теория катастроф», где рассмотрены принципы возникновения катастроф, примеры катастроф и способы их предсказания; математические модели Уитни, машина катастроф Зимана, «мягкое» и «жесткое» моделирование, эволюционная игра, исследуются проблемы социологического моделирования и дается анализ ситуации в России на основе языка и методов теории катастроф; рассматриваются глобальные риски и признаки глобальных катастроф.

Завершает цикл курс «Правовые и управленческие аспекты качества». В нем показывается, что *качество* является всемирным полем конкуренции в XXI веке; рассматривается эволюция понятия качества и управления им, интегрирующиеся в понятия «качество жизни» и «всеобщее управление качеством» (TQM); дается информация о Международной организации по стандартизации и качеству (ISO), о семействе стандартов ISO 9000, о сертификации и Федеральных законах, связанных с вопросами качества.

Во всех пяти курсах Цикла используются методы активно-го обучения: деловые и имитационные игры, анализ конкретных ситуаций, разрабатываются в режиме тренинга собственные проекты обучающихся. Составлено около 400 контрольных вопросов и 150 тестовых заданий. В связи с нарастающими проявлениями системного кризиса цивилизации — мировоззренческого,

экологического, социально-экономического — возникает острая необходимость в целостной духовно-психо-физической картине мира, основанной на трансдисциплинарной интеграции гуманитарных наук и естествознания, и разработке комплексов взаимосвязанных учебных программ. Полагаю, что такой цикл из пяти дисциплин может послужить одним из вариантов ответа на этот вызов времени.

Таким образом, всё вышеизложенное дает определенное представление о роли саратовской интеллигенции в решении актуальных задач, стоящих перед обществом в новом тысячелетии: возрождение и развитие духовной культуры, усовершенствование образования; достижение межконфессионального и межнационального согласия и повышение качества жизни.

Примечания

- ¹ *Шимельфениг О. В.* Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов, 2005.
- ² Математические модели поведения: межвуз. науч. сб. / отв. ред. *О. В. Шимельфениг*. Саратов, 1973—1981. Вып. 1—5.
- ³ *Шимельфениг О. В.* Сюжетно-игровой подход к моделированию сложных систем. Саратов, 1983. Деп. в ВИНТИ № 4333-83.
- ⁴ *Шимельфениг О. В. и др.* О работе группы по проблемно-деловым играм // Информационные материалы АН СССР, ФО СССР. М., 1987. № 3.
- ⁵ Проблемно-деловая игра как метод управления общественным развитием: коллектив. моногр. / под ред. *О. В. Шимельфенига, Т. П. Фокиной, В. Н. Южакова*. Саратов, 1989.
- ⁶ *Шимельфениг О. В., Майорова А. С.* Документация проблемно-деловых игр и вопросы ее хранения // Советские архивы. 1990. № 5.
- ⁷ *Шимельфениг О. В.* Проблемно-деловые игры в обучении управлению социально-экономическими процессами // Игровая имитация в развитии интеллекта. Новосибирск, 1988; *Шимельфениг О. В.* Проблемно-деловая игра в обучении руководителей // *Frnivizujici problemove didakticke metody, simulace a hry v priprave a zdokonalovani pracovniku*. Institut rizeni Praha, 1990; *Шимельфениг О. В., Фокина Т. П.* Сюжетно-игровой подход к глобальным проблемам современности // Социально-философские аспекты глобальных проблем. Саратов, 1990; *Shimelfenig O.* Problematizing imitation «XXI centiry: selfstatment or self-fapocalypse» // Abstracts and Papers of the 37th Annual Conference of

- the International Simulation and Gaming Association (ISAGA). StP., 2006; *Шимельфениг О. В., Семёнычева Л. П.* Методологическое обобщение применения интенсивных технологий в обучении юристов // Вестник Балтийской педагогической академии. СПб., 2007. Вып. 72; и др.
- ⁸ См.: *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Церковь и наука. Эволюция отношений // Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: материалы XV междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2004; *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Воспитание общечеловеческих императивов через проекты «Международного паломнического центра» // Общечеловеческие императивы и этнонациональные ценности интеллигенции: материалы XVI междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2005; *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Духовное развитие личности — основа трансформации России в современный мир // Человек и социум в трансформирующемся мире: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2005; и др.
- ⁹ Что есть реальность? Беседы о реальности: Саратовская интеллигенция в «INTELLECT GAME SESSION» / рук. проекта, сост. и ред. *О. В. Шимельфениг, Л. Я. Солодовниченко.* Саратов, 2009.
- ¹⁰ *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* «Беседы о реальности» в восьми актах: интеллигенция Саратова в «Intellect game session» // Интеллигенция и мир. 2009. № 3.
- ¹¹ Суфизм — глобальная картина мира. Философские и практические аспекты / рук. проекта, сост. и ред.: *Л. Я. Солодовниченко, О. В. Шимельфениг.* Саратов, 2013.
- ¹² Ислам — религия мира и созидания: материалы исследований, курсы лекций, статьи, эссе / сост., ред. и авт.: *Л. Я. Солодовниченко, О. В. Шимельфениг.* Саратов, 2017.
- ¹³ *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Полисинтез искусств и наук // AKTUÁLNÍ VÝMOŽENOSTI VĚDY — 2014: MATERIÁLY X MEZINÁRODNÍ VĚDECKO-PRAKTICKÁ KONFERENCE. Praha, 2014; *Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Культура духа и рыночная цивилизация // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1; *Шимельфениг О. В.* О личностном опыте постижения религиозно-философских текстов // Религиоведение. 2018. № 3; и др.
- ¹⁴ *Боровская Т.* Областная комплексная программа по обеспечению качества продукции и услуг // Саратовские вести. 1994. 20 июля.
- ¹⁵ *Герасимов Б. Н., Шимельфениг О. В.* Сюжетно-игровой подход в управлении качеством // Качество и жизнь. 2018. № 4.

А. А. Ашмарина

**ПОЗИЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ЕВРОПЕЙСКОГО
СОЮЗА ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ:
АЛЕН ФИНКЕЛЬКРАУТ И ЮЛИАН НИДА-РЮМЕЛИН**

Введение

В конце 2014 — начале 2015 года страны Европейского союза были вынуждены решать проблему, ставшую угрозой стабильности всего региона. Массовое прибытие иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки стало именоваться феноменом неконтролируемой миграции¹. Приезжающие в Евросоюз иммигранты стремились попасть в развитые страны объединенной Европы, выступая в качестве просителей убежища. При этом часть мигрантов предпочли пересекать границы ЕС любым способом, не пренебрегая нелегальными маршрутами. Кроме того, не все иностранные граждане проходили регистрацию в специализированных органах, как того требовало Дублинское соглашение.

На развитие миграционного кризиса в Европейском союзе повлиял ряд факторов, как внешних:

— рост конфликтогенности в странах Ближнего Востока и Африки, которые являются основными странами-донорами мигрантов в период наплыва приезжих в ЕС;

— ухудшение условий жизни в странах исхода и уменьшение финансирования помощи потенциальным беженцам в соседних государствах;

так и внутренних:

— отсутствие общего миграционного режима и консенсуса при решении миграционных проблем на общеевропейском уровне;

© Ашмарина А. А., 2019

Ашмарина Александра Алексеевна — аспирант кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. al.west@yandex.ru

Ashmarina Alexandra Alekseevna — post-graduate student of the Department of history and theory of international relations of the Institute of international relations and world history, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

— нехватка материальных и кадровых ресурсов для обеспечения приема, регистрации и распределения всех прибывающих иммигрантов.

Ситуация, сложившаяся в ЕС после начала миграционного кризиса, продемонстрировала низкую эффективность существующих инструментов контроля иммиграции и общеевропейского регулирования миграционной политики. Немалую роль в провале миграционного курса сыграло противостояние интересов стран — членов ЕС по вопросам приема и распределения мигрантов по системе квот. Сторонники глобалистов в ЕС прогнозировали усиление роли наднациональных органов для более эффективного регулирования вопросов, связанных с общеевропейской миграционной политикой, а также для установления общего миграционного режима. Приверженцы реализма, отстаивающие суверенитет государств-наций, оказали сопротивление осуществлению «общей воли», в том числе и при принятии Глобального пакта ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции².

Миграционный кризис раскрыл необходимость реального сотрудничества европейских государств по решению проблемы с иммигрантами для формирования политического курса, основанного на консенсусе и учете интересов и возможностей всех участников интеграционного проекта.

Ален Финкелькраут: столкновение цивилизаций

Французский философ и публичный интеллектуал Ален Финкелькраут известен как исследователь, занимающийся проблемами антисемитизма, французского колониализма, ассимиляции иммигрантов, межэтнических конфликтов, идентичности. В своей книге «L'Identité Malheureuse» он заявил об угрозе, нависшей над французской цивилизацией. Свои опасения мыслитель связывает с формированием мультикультурной и постнациональной Франции³. Несмотря на то, что такая модель представляется либеральными политиками как образ идеального будущего страны, Ален Финкелькраут отрицает утверждение о смешивании культур в ходе осуществления политики мультикультурализма. Напротив, по его словам, происходит активизация процесса «деления» населения на различные социальные общности, которые практически не коммуницируют между собой, поскольку испытывают недоверие друг к другу.

Выросший в семье польских эмигрантов, Финкелькраут говорит о том, что он сам может дискутировать на такие темы намного смелее и свободнее, чем коренные французы. Происходит это из-за преобладающего в республике дискурса, во многом ограничивающего размышления и право голоса тех, кто является этническими французами. Часть коренных французов, проживающих в Париже, начали чувствовать себя «в меньшинстве» среди множества других культур, многие переехали из пригородов Парижа, где сосредоточены общины мигрантов, в провинции. С одной стороны, данная ситуация вызывает определенные сомнения, поскольку во Франции всегда были мигранты. Однако Ален Финкелькраут отмечает, что постоянная массовая миграция в республику началась после Первой мировой войны, и тогда неотъемлемой частью политики властей являлось стремление ассимилировать иностранных граждан во французское общество. Мыслитель вспоминает о французской школьной системе, которая послужила основным инструментом и для его полноценного включения в жизнь Франции. Однако в настоящее время мигранты не проходят полный процесс интеграции, а система ассимиляции, существовавшая ранее, по словам Финкелькраута, «рухнула под воздействием доминирующей идеологии, которая уравнивает всё»⁴. Более того, среди мигрантов нарастают враждебные настроения по отношению к принимающему обществу. Таким образом, философ рассуждает о «столкновении цивилизаций» внутри государства⁵.

И здесь Финкелькраут выводит следующее умозаключение: Франция является цивилизацией, куда постоянно приезжают мигранты. Но как им приспособиться к жизни в новом для них мире сейчас? Принять язык, культуру и ценности светской Европы или притеснить права местного населения, чтобы получить часть своих прав и свобод?

Рассуждая о правах мигрантов во Франции, мыслитель затрагивает проблему восприятия ислама в Европе⁶. По его мнению, запрет на ношение хиджаба во Франции является не агрессией по отношению к мусульманам, а лишь призывом к уважению культуры принимающей страны. Кроме того, ислам станет неотъемлемой частью Европы только в процессе его «европеизации». Нет ничего плохого в том, полагает Финкелькраут, чтобы осознавать свои отличия от других; наоборот, это позволяет понимать не только

свои потребности и желания, но и окружающий мир, который всегда неоднороден, и приспособиться к этому миру, к существующей цивилизации⁷.

В интервью 2014 года, когда миграционный кризис только зарождался, Алена Финкелькраута спросили, как он относится к автоматическому праву на гражданство Франции по рождению на территории страны — праву почвы. Мыслитель ответил, что не хотел бы его отменять, но подчеркнул, что данное право также не способствует интеграции мигрантов. У тех, кто получил гражданство при рождении, «уходит желание стать французом». Более того, Финкелькраут заметил у французского общества опасения по поводу отсутствия контроля над миграцией, другими словами, что иммиграция «стала тем, что происходит само по себе», и поэтому для иммигранта уже не является целью «стать французом» в полной мере. При этом страна также не управляет этим процессом, в лучшем случае, сопровождает⁸.

Финкелькраут положительно высказался о позиции итальянского правительства, отметив необходимость уважения прав, свобод и мудрости народов Европы, которые отказываются принять политику продвижения мультикультурализма. Популизм, процветающий в Италии и ряде других стран Европы, является, по мнению философа, реакцией на проблему трансформации демографической ситуации региона. И власти отказываются разбираться с этой проблемой⁹.

Юлиан Нида-Рюмелин: честное экономическое сотрудничество стран приема и стран исхода мигрантов

Немецкий философ и бывший министр культуры Германии Юлиан Нида-Рюмелин, ныне профессор философии и политической теории в Мюнхенском университете им. Людвиг-Максимилиана. В марте 2017 года вышла его работа «Über Grenzen denken. Eine Ethik der Migration».

Рассуждения мыслителя проходят в контексте структуральной рациональности: человек, индивидуальное и коллективное самоопределение становятся возможными только в случае защищенности структур. Такими структурами являются семья, кооперация, культурные и политические сообщества, а также, что особенно важно, государственность, которая в случае сохранения политики открытых дверей подвергается наибольшей опасности¹⁰.

Нида-Рюмелин выступает за «политическое управление миграцией, и против нерегулируемого глобального рынка рабочей силы»¹¹. Германия, по словам интеллектуала, также заинтересована в управляемой миграции. Однако Нида-Рюмелин акцентирует внимание на двустороннем политическом управлении процессами миграции, как со стороны стран приема мигрантов, так и стран их исхода, которое могло бы регулироваться как международно-правовым соглашением (в идеале), так и двусторонними договорами. А страны Европейского союза, в частности Германия, по мнению философа, нуждаются в принятии конкретных законов, обеспечивающих контроль над иммиграцией для легализации въезда тех людей, кто видит возможность лучшей жизни и развития в объединенной Европе¹². В июле 2018 года свою позицию по принятию такого закона высказали социал-демократы ФРГ. Они представили «Spiegel»¹³ документ, содержащий пять пунктов для формирования обновленной миграционной политики Германии, с которыми Юлиан Нида-Рюмелин выразил полное согласие:

1) борьба с причинами бегства из стран исхода: финансовая помощь странам, находящимся за пределами Евросоюза, способствует ослаблению наплыва мигрантов;

2) общенациональный внутренний пограничный контроль поставил под угрозу открытые границы и право на свободу передвижения граждан, являющиеся одним из значимых достижений объединенной Европы. А потому отдельные страны не могут принимать единоличные решения о высылке иммигрантов;

3) поддержка Италии и Греции, как стран с внешними границами ЕС, чрезвычайно важна, особенно в сфере регистрации, размещения, осуществления процедуры предоставления убежища и репатриации. Кроме того, должны быть четкие указания для приема мигрантов Германией, в случае превышения количества ходатайств об убежище;

4) поддержка решений, принятых на саммите ЕС в Брюсселе 28—29 июня 2018 года, однако нельзя строить «закрытые лагеря» в Европе и транзитных странах Северной Африки, поскольку это противоречит принципам гуманизма;

5) гуманитарная иммиграция и трудовая иммиграция должны четко различаться, дальнейшая легализация миграции поможет

урегулировать ситуацию с нелегальными миграционными потоками. Должен быть принят иммиграционный закон, который бы контролировал миграционные процессы, выделяя иммиграцию квалифицированной рабочей силы.

ЕС нуждается в мигрантах-специалистах, но должен выплачивать компенсацию странам, откуда они прибывают. Такой тезис развивает Юлиан Нида-Рюмелин в своем размышлении о выстраивании разумного миграционного режима. «Африка нуждается в честном экономическом сотрудничестве с Европой, доступе к аграрному европейскому рынку, совместных предприятиях, инфраструктуре, иностранных инвестициях, новых формах сотрудничества в целях развития, центрах обучения и подготовки, а не в усилении потока мигрантов в Европу»¹⁴.

В отличие от Алена Финкелькраута Нида-Рюмелин говорит о том, что изменения социально-политического климата заметны лишь среди низших слоев общества, а ксенофобия развивается, в основном, в тех районах, где иностранные граждане составляют весьма низкий процент от коренного населения. Совместное проживание мигрантов и коренных жителей, утверждает Нида-Рюмелин, ведет к пониманию преимуществ миграции и ее принятию гражданами страны приема¹⁵.

Стоит подчеркнуть, что Нида-Рюмелин большое внимание уделил формированию и аккумуляции правил для эффективного выстраивания миграционной политики. В своей работе «Über Grenzen denken. Eine Ethik der Migration» он выделил семь подобных постулатов¹⁶:

1. Миграционная политика должна соответствовать принципам гуманности и справедливости для поддержания мирового порядка.

2. Миграционная политика государства, то есть, принимающего общества должна быть выстроена таким образом, чтобы коренное население воспринимало мигрантов как несущих пользу обществу, а не угрозу.

3. При принятии политических решений в области миграции должно учитываться право коллективного самоопределения гражданских сообществ.

4. Выстраиваемая миграционная политика не должна обострять социальное неравенство и создавать угрозу социальному государству, она призвана обеспечить правильное восприятие

мигрантов всеми слоями населения. В противном случае велика вероятность усиления правопопулистских и националистических идей — прямая угроза демократии.

5. Миграционная политика должна ориентироваться на экономическую миграцию и компенсировать кадровые потери в странах происхождения мигрантов.

6. Для регулирования глобальных миграционных потоков важно установить справедливый экономический порядок, в том числе распределение ресурсов, предоставленных мировым сообществом, не для решения миграционных проблем, а для помощи бедным регионам, которые и являются основными странами происхождения мигрантов.

7. Обществу не нужно требовать от миграционной политики то, чего оно не приемлет в своем окружении, общество должно практиковать в своем окружении то, что оно хотело бы видеть в миграционной политике.

Выводы

Таким образом, можно сделать следующие выводы: европейские интеллектуалы по-разному восприняли повышение уровня миграционных потоков, а также рассматривали мигрантов и миграцию с различных точек зрения.

Ален Финкелькраут обратил внимание на этнический состав мигрантов, приезжающих в ЕС и, в частности, во Французскую республику. Для него важна культурная составляющая: что мигранты привнесут в принимающее общество? Что французы могут дать в ответ? И смогут ли они правильно «подать» свою культуру и ценности для восприятия иностранцами? Практика показывает, что с годами процесс интеграции мигрантов во Франции ухудшился. Приезжие больше не хотят воспринимать язык, культуру и традиции принимающей стороны. Они культивируют собственное мировоззрение и объединяются в отдельные социальные общности, не поддаваясь ассимиляции. Финкелькраут наблюдает нарастание противоречий в мультикультурной республике. Мыслитель делает акцент на столкновении принимающей цивилизации с цивилизациями, пришедшими извне, но обосновавшимися на территории Франции.

Юлиан Нида-Рюмелин рассматривает миграцию в основном экономическую, трудовую. Для него важно показать, что иммигранты — источник благосостояния Германии, дешевый трудовой ресурс. В связи с этим он раскритиковал Европейский союз после блокировки процесса принятия закона об иммиграции в Германии, который бы легализовал часть миграционных процессов на пользу экономике страны. Ради узаконивания прибытия экономических мигрантов философ готов пожертвовать ресурсами мирового сообщества, определяя их истинное предназначение в качестве помощи бедным странам, из которых в основном поступают мигранты. В ходе оказания странам исхода необходимой экономической поддержки, по мнению Нида-Рюмелин, поток беженцев постепенно снизится, и в Германию будут стремиться по большей части квалифицированные трудовые мигранты.

Тем не менее, оба публичных интеллектуала высказываются за политическое управление миграционными процессами. Для Алена Финкелькраута это выработка государственных механизмов и инструментов для активизации процессов интеграции мигрантов в принимающее общество, для Юлиана Нида-Рюмелин — выстраивание миграционной политики, подразумевающей ориентирование на экономическую миграцию, поддержку квалифицированной иностранной рабочей силы и установление справедливого экономического порядка путем обеспечения помощи бедным странам вне Европейского союза.

Примечания

¹ *Ашмарина А. А.* Политика Франции в условиях европейского миграционного кризиса // Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики: материалы V Всерос. форума молодых политологов / под общ. ред. *И. А. Помигуева, Р. В. Савенкова*. М., 2018. С. 30—31.

² *Ашмарина А. А.* Глобальный Пакт ООН по миграции: вызовы для Европейского Союза // Ломоносов — 2019: материалы Междунар. молодеж. науч. форума / отв. ред.: *И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов*. М., 2019.

³ French philosopher Finkelkraut. There is a clash of civilizations. Part 1: There is a clash of civilizations // Spiegel Online. URL:

- <https://www.spiegel.de/international/world/interview-french-philosopher-finkelkraut-on-muslims-and-integration-a-937404.html> (дата обращения: 16.05.2019).
- ⁴ Finkelkraut: «I Gilet gialli e il nuovo odio antisemita che lega banlieue e islamisti» // *Divisione la Repubblica*. URL: https://rep.repubblica.it/pwa/intervista/2019/02/19/news/francia_antisemitismo_alain_finkelkraut-219568260/ (дата обращения: 16.05.2019).
- ⁵ Ibid.
- ⁶ French philosopher Finkelkraut. There is a clash of civilizations. Part 2: This has nothing to do with aggression // *Spiegel Online*. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/interview-french-philosopher-finkelkraut-on-muslims-and-integration-a-937404-2.html> (дата обращения: 16.05.2019).
- ⁷ Ibid.
- ⁸ French Philosopher Finkelkraut. There Is a Clash of Civilizations. Part 1.
- ⁹ Finkelkraut: «I Gilet gialli e il nuovo odio antisemita che lega banlieue e islamisti».
- ¹⁰ *Нуда-Рюмелин Ю.* Открытые границы подвергнут опасности государственность во всем мире // *Международная политика и общество*. URL: <https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/otkrytye-granicy-podvergnut-opasnosti-gosudarstvennost-vo-vsem-mire-275/> (дата обращения: 16.05.2019).
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Nida-Rümelin J.* Africa does not need even more emigration to Europe // *International Politics and Society*. URL: <https://www.ips-journal.eu/regions/europe/article/show/africa-does-not-need-even-more-emigration-to-europe-2862/> (дата обращения: 16.05.2019).
- ¹³ Von Christian Teevs. SPD schaltet sich mit Fünf-Punkte-Plan in Unionsstreit ein // *Spiegel Online*. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-spd-schaltet-sich-mit-fuenf-punkte-plan-in-streit-zwischen-cdu-und-csu-ein-a-1215992.html> (дата обращения: 16.05.2019).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Нуда-Рюмелин Ю.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Nida-Rümelin J.* Op. cit.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Д. А. Смирнов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ В ОТРАЖЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИСКАНИЙ ЭРНСТА ЮНГЕРА НАЧАЛА 1950-х ГОДОВ

Введение

Немецкий писатель, публицист и общественный деятель Эрнст Юнгер (1895—1998) стал одним из ярких примеров интеллектуала, в произведениях которого были точно осмыслены и глубоко прочувствованы пережитые вместе с Германией трагические события XX в. При этом каждой странице истории Юнгер предлагал свойственный именно ей актуальный образ интеллектуала, призванный дать для него осмысленное понимание происходящего. Эти образы имеют свою историчность, поскольку отражают ряд черт, характерных для идейного мира мыслителя в тот или иной исторический период.

Однажды Юнгер заметил, что его «больше привлекали мыслители, которые вырабатывают суждение о событиях, чем люди, которые на самом деле или в своем воображении являются виновниками этих событий» [Кирххорст, 10 мая 1945 г.]¹. Именно яркость и метафоричность описаний многих событий, где он всегда активный участник, заставляет обращаться к работам крупнейшего представителя немецких интеллектуалов XX в. снова и снова.

© Смирнов Д. А., 2019

Смирнов Дмитрий Александрович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. d-smirnov@mail.ru

Smirnov Dmitriy Aleksandrovich — doctor of historical sciences, docent, professor of the department of general history and international relations, Ivanovo State University.

Относящиеся к разному историческому контексту произведения различного объема и глубины проработанности представляют масштабную и комплексную картину трансформации не только исторической действительности, но и личности самого мыслителя. Они позволяют детально проследить влияние больших и малых событий на становление его идей. Такая точная связь интеллектуальных исканий и исторических событий видна на примере разработки Юнгером концепции движения «через линию», раскрытой им в одноименном эссе, увидевшем свет в 1950 г.² и концепции «ухода в Лес», которая представлена в одноименном эссе, опубликованном в 1951 г.³ Вышедшие примерно в одно время эти исторические *источники* стали отражением поиска Юнгером ответов на политические проблемы, обозначившиеся в послевоенные годы для всей Европы, для Германии и для интеллектуала, размышлявшего по поводу их решений. *Историческим фоном* представленных в этих работах образов были, с одной стороны, трагические страницы нацистской диктатуры, которую мыслитель считал итогом периода плебисцитарной демократии, с другой стороны — послевоенные годы, «годы оккупации», которые Юнгер рассматривал как время утраты подлинного выбора для индивида, народа, страны⁴.

Целью данной статьи является раскрытие взаимосвязи интеллектуальных исканий Юнгера и политических проблем Германии в начале 1950-х гг. Особое внимание будет уделено анализу содержательной стороны выдвигавшихся мыслителем концепций.

«Через линию» к нигилизму как ответ на пораженчество

Опубликованное спустя несколько лет после Второй мировой войны эссе «Через линию» было обращено к постоянной для Юнгера теме. Такой темой всю его жизнь была война, и представленный в эссе образ может быть понят как фронтовая линия. Преодоление такой линии означает начало наступления, развертывания битвы, а удержание — оборонительную тактику, сохранение отвоеванного пространства.

Обращение к проблеме нигилизма и теме «линии» в эти годы было для Юнгера не случайным. Социальная катастрофа, испытанная Германией после краха нацистского государства, позволила ему заметить еще в «Годах оккупации»: «В такие дни,

недели и месяцы, как ныне, ты учишься мыслить политически и наживаешь опыт, который еще десятки лет будет питать твою мысль. Анархия — исходный материал и предшественница политического устройства, которое она предваряет собой, как хаос предваряет творение, как мир титанов предваряет мир олимпийских богов. <...> Поэтому можно предположить, что вслед за нынешним временем должна наступить великая весна» [Кирххорст, 18 мая 1945 г.]⁵. Возможность этого как раз представлена в эссе, отразившем реальность послевоенных лет.

С одной стороны, минувшие годы позволили усмирить бунтовавшие в Юнгере страсти, связанные с последствиями войны для него самого, немецкого народа и Германии в целом. С другой стороны, поднятые войной вопросы требовали осознанных и рациональных ответов интеллектуала. Юнгер не пришел к их точному выражению сразу, мыслитель находил их постепенно, очищая от эмоций, предлагая время от времени разные формулировки.

Представленная позиция нигилиста в оценке разворачивавшихся вокруг Юнгера процессов, разрушавших традиционные ценности, приверженцем которых он являлся, имела свои особенности. Безусловно, мыслитель был пессимистом, что нашло отражение в его произведениях, в дневниках он проявляется более глубоко. Однако сам Юнгер, примерив на себя костюм нигилиста, указывал, что не пессимизм противоположность оптимизму. Пессимизм многолик: от отвращения до сохранения величия. И всё же пессимизм занимает активную позицию к происходящему, поскольку предполагает реакцию по отношению к чему-либо. В этом его родство с оптимизмом, порой он совершает к нему прорывы.

Противоположностью оптимизму является пораженчество, которое спустя несколько лет после войны «сегодня неожиданно широко распространилось»: «Ему невозможно противопоставить ничего из того, что наступает, ни по ценности, ни по внутренней силе. При таком настроении паника распространяется беспрепятственно, как вихрь. Кажется, что ярость противника, чудовищность применяемых им средств возрастают в той же мере, в какой растет слабость людей. Наконец, людей, как стихия, охватывает террор. В этом положении их силы подтачивает нигилистическая молва, готовя гибель. Страх алчно набрасывается на них, безмерно увеличивая ужас, который отныне гонится за ними постоянно»⁶.

Неприятие пораженчества можно наблюдать у Юнгера уже на страницах дневников Первой мировой войны «В стальных грозах»⁷. Здесь примеры тех, кто испытал страх, поддался панике и подчинился террору обстоятельств, а вскоре погиб, представлены именно для контраста тому, как следует поступать. Именно за неприятие пораженчества Юнгер с особым уважением относится и к участникам покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., упоминая их в «Излучениях»⁸.

Отвергнувший поражения индивид в своем движении «через линию» выбирает нигилизм. Но при этом нигилизм как отрицание не означает, что реальность разрушается для индивида. Это не распад, но продолжение, новое раскрытие индивида, интеллектуальное преобразование в исторической реальности.

В продолжении своих размышлений по поводу анархии и хаоса, представленных в «Годах оккупации», Юнгер теперь подчеркивает, что нигилист не приемлет хаос: «Хаос нигилисту не нужен; это не то, без чего он не может обойтись. Еще меньше ему нравится анархия. Она бы нарушила строгий ход процесса, в котором он движется. То же самое относится к упоению. Даже в тех местах, где нигилизм обнаруживает свои самые жуткие черты, как, например, в местах физического уничтожения огромных масс людей, во всем господствуют рассудительность, гигиена и строгий порядок»⁹. Потому нигилизм для него нормальное явление мира порядка. И в условиях хаоса нигилизм до последнего стремится к упрощению и упорядочиванию: «Нигилистический мир по своей сути — это мир редуцированный и продолжающий себя редуцировать, как и положено движению к нулевой точке. Ощущение, господствующее в нем, — ощущение редукции и редуцирования»¹⁰.

Нигилист готов к падению мира, постоянно сохраняя в нем остатки порядка и трансформируя их под условия хаоса. Именно это создает возможность перехода «через линию», что стало у Юнгера возможным в результате разрушения государства в Германии. Говоря о межвоенном периоде и Второй мировой войне, он замечает: «За это время мы перешли нулевую точку не только идеологически, но и с точки зрения внутреннего ресурса идеологии. Это ведет к новому умонастроению, воспринимающему новые феномены»¹¹.

Необходимо не только дойти до линии, нулевой отметки, зафиксировав момент абсолютного падения, но и быть готовым к восстановлению: «Пересечение линии, прохождение нулевой точки разделяет драму, обозначая середину, но не конец. До гарантированного положения еще далеко. На него можно только надеяться. Барометр говорит об улучшении, несмотря на сохранение внешней угрозы, и это лучше, чем если бы его показания нормализовались при еще сохраняющихся аспектах гарантированности»¹².

В этой связи Юнгер обращает внимание на новое положение консерватора в условиях анархии и разрушения: «При пересечении нулевого меридиана прежние цифры уже не соответствуют истине, и нужно начинать новое исчисление. Это, в частности, касается необходимой деструкции. Консервативная позиция, представители которой достойны внимания и даже восхищения, более не в состоянии тормозить растущее движение, как это было возможно после Первой мировой войны. Консерватор должен всегда опираться на слои жизни, которые еще не пришли в движение, такие как монархия, аристократия, армия, деревня. Но когда всё начинает сдвигаться, то точка отсчета теряется. Соответственно можно видеть, как молодые консерваторы переходят от статичных к динамичным теориям: они наступают на него поле»¹³.

Переход от статики и сохранения прежних форм к динамике в осознании разворачивающихся процессов является главной задачей освободившегося интеллектуала: «Важным остается то, насколько дух подчиняется необходимому разрушению, и ведет ли путь через пустыню к новым источникам. Это задача, которую таит в себе наше время. Каждый принимает участие в ее решении в меру своего характера. Поэтому возникает вопрос об основной ценности, и этот вопрос сегодня необходимо поставить перед личностью, производением, организацией. Он гласит: насколько они перешли линию?»¹⁴ На этот момент призывает особенно обратить внимание Ален де Бенуа: «В своем очерке Юнгер принимается по существу описывать состояние мира, такое как оно есть, чтобы оценить возможность, что он уже находится по другую сторону линии»¹⁵.

Желание «перейти линию», по мысли Юнгера, является прежде всего внутренним решением, которое должно осознаваться как требование, направленное к себе, но не как давление внешних обстоятельств. Это позволит быть глубже понятым и принесет широкий успех: «Упрек в нигилизме сегодня популярен, и каждый приписывает его своему противнику. Весьма вероятно, что правы все. Поэтому нам нужно обратить упрек к себе, а не разделять позицию тех, кто неутомимо ищет виноватых. Менее всего знает время тот, кто не испытал на себе чудовищную силу ничто, и кто не уступил его соблазну... Здесь каждый, независимо от положения и ранга, оказывается в непосредственной и самостоятельной борьбе, и с его победой изменяется мир. Если человек окажется сильнее, то ничто отступит. На линию побережья будут выброшены затопленные сокровища. Они искупят жертвы»¹⁶.

Юнгер осознает неизбежность «упрека в нигилизме» в условиях разделенного народа и распада государства после войны. Но он предостерегает от этого легкого пути ввиду приобретенного им популизма и скрываемого желания оправдать себя. Обнаруженный внутри себя нигилизм — «испытание на себе чудовищной силы ничто» — служит началом «непосредственной и самостоятельной борьбы» Юнгера и таких же, как он, индивидов за обретение политического бытия, утраченного в годы нацизма. Логичным продолжением дальнейших размышлений мыслителя о пути «через линию» стала концепция «ухода в Лес», представленная им спустя несколько лет.

Ушедший в Лес как политическая модель индивида накануне Постмодерна

Впервые образ Ушедшего в Лес (Waldgänger) был представлен Юнгером в эссе «Уход в Лес», опубликованном в 1951 г., спустя несколько лет после статьи «Через линию». Однако несмотря на близость во времени, они рождены в разной политической реальности. Если предложение перейти «через линию» относилось всё же непосредственно к переживаемым Германией последствиям войны, то Ушедший в Лес несет на себе отпечаток других исторических событий: разделенный народ, создание нового государства, первые попытки реабилитации страны

перед лицом всего мира. Характерная для образов Юнгера мифологичность не препятствует выявлению такой взаимосвязи.

Как указывает Петер Козловски, в образе Ушедшего в Лес «Юнгер создал третий миф и сотворил своего третьего мифического героя, в котором отверженный герой модерна, потерпевший крах Рабочий и Солдат, может снова осознать и идентифицировать себя, но как анархиста и одиночку»: «Способность к новому самосознанию заключена в трагедии — начале освобождения или избавления от страданий. Мифология модерна дополняется третьим героем, который всё-таки скорее маргинал, чем трагический герой»¹⁷.

Показательно, что Юнгер в своем эссе четко констатировал, что прежние шаблоны невозможны в новом мире, прежние идеологии не позволяют двигаться дальше. Классические консерватизм и либерализм не позволяют понять мотивы Ушедшего в Лес: «Под Уходом в Лес мы понимаем свободу одиночки в этом мире.... Это не либеральный и не романтический акт, но пространство действия маленьких элит, тех, кто кроме требований времени сознает еще нечто большее»¹⁸.

Такая ситуация была вызвана переменами, совершающимися на исходе Модерна. Новая эпоха заменила поиск и выборы наблюдением и одобрением. Происходило разрушение активной позиции индивида, пространство свободы сжималось до определенных ему рамок. В этих условиях он уже не мог вносить свое предложение и должен был соглашаться с существующими мнениями.

В политике господствовало большинство, которое лишало индивида силы. Чтобы этому противостоять, нужно было становиться одиночкой. Впрочем, Юнгер подчеркивал, что «подающий свой одинокий голос — это еще не Ушедший в Лес»: «С исторической точки зрения он скорее опоздавший. Это заметно даже по тому, против чего он выступает. Только если он окинет взглядом всю партию целиком, он сможет сделать свой собственный, быть может, неожиданный ход» (19). Недостаточно заниматься лишь подсчетом несогласных и формулировать программы, основанные на числе участников борьбы. Нужно осознать, что каждый участник, каждый несогласный одиночка ценен: «Человек, подающий этот голос, не только способен сформировать собственное мнение, но и к тому же способен следовать ему. Поэтому мы

также можем признать в нем человека мужественного... Даже там, где они молчат, вокруг них, как над скрытыми под водой рифами, всегда будет волнение» (26).

И государство подтверждает это, расширяя полицейский аппарат и разделяя каждого индивида «на две половины, виновную и ту, что сама себя обвиняет» (29). В мире царит культ государственной воли, кто согласны с ним, представляются Юнгеру «ничтожествами с чудовищной функциональной властью»: «Все эти экспроприации, девальвации, унификации, ликвидации, рационализации, социализации, электрификации, земельные консолидации, дистрибьюции и пульверизации не предполагают ни индивидуального склада, ни характера, поскольку и то, и другое вредит автоматизму» (31).

Государству важнее упростить то, чем оно правит. Но, как подчеркивал Юнгер, автоматизм и типичность уничтожают конкуренцию: «Освободившееся от конкуренции место занимает террор. Пожалуй, существуют и другие обстоятельства, порождающие его: здесь же кроется одна из причин, по которой он сохраняется. Отныне развиваемая при конкурентной гонке скорость должна внушать страх» (34). Страх перед ней вызван тем, что «государство... оказывается вынужденным постоянно держать часть населения в ужасающей хватке подчинения. Жизнь стала серой, и всё же она кажется сносной тому, кто видит перед собой тьму, абсолютную черноту. В этом, а вовсе не в области экономики, кроются опасности глобального планирования» (35).

Несогласные с государством одиночки преодолевают этот страх. Свобода и непосредственность создают политическую ценность Ушедшего в Лес: «Ушедшим в Лес мы называем того, кто в ходе великих перемен оказался одиноким и неприютным и, в конечном счете, увидел себя преданным уничтожению. Такой могла бы стать участь многих, если даже не всех — но еще одна возможность должна была представиться. Она заключается в том, что Ушедший в Лес решает оказать сопротивление, намереваясь вступить в борьбу, скорее всего, безнадежную. Таким образом, Ушедший в Лес — это тот, кто сохранил изначальную связь со свободой, которая с точки зрения времени выражается в том, что он, сопротивляясь автоматизму, *отказывается* принимать его этическое следствие, то есть фатализм» (39—40). Тем самым,

Ушедший в Лес возвращается от искусственных рамок к естественному миру, где главное место занимает свобода.

Юнгер со свойственной ему образностью ярко обозначил то, почему необходим «уход в Лес»: «По сути, растущий автоматизм и страх тесно друг с другом связаны, как раз в той степени, в какой человек отказывается от способности принимать решения в пользу технического облегчения жизни... Одиночка в обществе больше не подобен дереву в лесу, скорее он подобен пассажиру быстро передвигающегося транспорта, который может называться “Титаником”, а может и Левиафаном... Можно ли, оставаясь на Корабле, *в то же самое время* сохранять способность принимать собственные решения, что означает — не терять своих корней, укрепляя их связь с первоначалом? Это и есть подлинный вопрос нашего существования» (43—45).

Представленный Юнгером образ Ушедшего в Лес — это политическая программа одиночки накануне эпохи Постмодерна. И к «уходу в Лес» способен каждый: «Мы имеем в виду свободного человека, каким сотворил его Бог. Этот человек ни в коей мере не является исключением и не представляет собой элиту. Напротив, он скрыт в каждом, и различия проистекают скорее из той степени, в какой одиночка способен осуществлять данную ему свободу. В этом некто должен ему помочь — некто мыслящий, некто знающий, как друг, как любящий» (50).

Собственно и «легитимное право на господство принадлежит тому, кто положит конец ужасу. Им станет тот, кто, прежде всего, укротил свой собственный страх» (48). Уход в Лес позволяет решить индивиду вопрос суверенитета, который коллега Юнгера по консервативной волне в Германии Карл Шмитт считал важнейшим для политической сущности государства. Суверенитет «можно сегодня обрести не столько в глобальных решениях, сколько в том человеке, который в своем сердце отрывается от страха»: «Это осознание освобождает его. И тогда диктатуры обращаются в прах. Здесь скрыты едва разведанные запасы нашего времени, и не только нашего. Данная свобода есть тема как истории вообще, так и того, что лежит за ее пределами: здесь против демонических царств, там против зоологического хода вещей. Эта свобода созревала в мифах и религиях, и она неизменно возвращается, и всегда великаны и титаны появляются с одинаковым

превосходством в силе. Свободный сокрушает их; для этого он не всегда должен быть царем и Гераклом. Камня из пастушьей пращи, знамени, которое подняла дева, или арбалета вполне достаточно» (63).

При этом консервативную сущность «ухода в Лес» Юнгер видит в том, что «Корабль означает временное, Лес — вневременное бытие»: «В нашу нигилистическую эпоху распространился обман зрения, благодаря которому всё движущееся кажется значительнее того, что покоится. На самом же деле всё то, что сегодня разворачивается благодаря своей технической мощи, всё это есть лишь мимолетный отблеск из сокровищниц бытия» (57).

Учитывая политическую реальность, с которой связаны мысли Юнгера, важно и то, что мыслитель не считал «холодную войну» проблемой для «ухода в Лес», поскольку он «возможен в любой точке Земли» (61). Юнгер также подчеркивал, что и русский способен к этому, и «для русского Уход в Лес является центральной проблемой»: «Как большевик он пребывает на Корабле, как русский — он в Лесу. Его опасность и безопасность определяются этим различием» (62).

Государство уязвимо для Ушедшего в Лес: «Это странный образ: одиночка, или даже множество одиночек, обороняющееся против Левиафана. И всё же именно в таком положении Колосс оказывается под угрозой. Нужно понимать, что даже малое число людей, по-настоящему решительных, не только в моральном смысле, но и в действительности представляют собой угрозу» (109). Вооруженный стратегией «ухода в Лес», одиночка способен сопротивляться внешне самому мощному государству: «Ушедший в Лес не спрашивает про оружие, насколько оно современное, сколько его в наличии, и есть ли оно вообще. Это всё важно на Корабле. Уход же в Лес можно совершить в любое время, в любом месте, и даже против значительно превосходящих сил. В подобном случае он тем более остается единственной формой сопротивления» (112). В отличие от своего предшественника «Ушедший в Лес — это не солдат»: «Он не знает ни солдатского строя, ни солдатской дисциплины. Его жизнь свободнее и суровее солдатской» (112).

Для современников Юнгера, на что обратил внимание Эрнст Никиш, идеолог национал-большевизма в Германии,

на протяжении жизни с большим вниманием относившийся к работам мыслителя, в его «Уходе в Лес» обозначились «устремления сначала западногерманской, а затем и европейской интеллигенции вообще»¹⁹. Соглашаясь с этим, Никиш подчеркивал, что Ушедший в Лес выступает как «мятежник, вечный повстанец»: «Он европейский интеллигент, находящий свой последний приют в отчаянии, позволяющей ему в любой момент включиться в игру. Поступая таким образом, он является человеком сопротивления. Как человек сопротивления он защитник всего подлинного и важного, вечных ценностей, непреходящей субстанции, основы, из которой происходит всё настоящее и возрождающееся»²⁰.

Выводы

Близкие по времени работы Юнгера «Через линию» и «Уход в Лес» не могут избежать тесной идейной взаимосвязи. Они становятся источником для изучения всего полотна интеллектуальной истории Германии начала 1950-х гг., предлагая особо сконцентрировать внимание на отражении политических проблем в палитре образов крупнейшего немецкого мыслителя этого времени. Переход «через линию» позволяет Юнгеру заявить о преодолении опасений перед нигилизмом для самого себя и о готовности согласиться стать нигилистом в глазах своих противников. Это не разрушает его самого, но создает условия для продолжения борьбы. Такой личный выбор, сделанный Юнгером в период распада нацистского режима, позволил ему стать одним из признанных моральных и интеллектуальных авторитетов послевоенной Германии. Отрицание нацизма и подчеркнутое отстранение от оккупационных властей создали из него для значительной части немцев пример твердости в условиях социального редуцирования и стремящейся к абсолютной деструкции государства.

Потому с большим вниманием в немецком обществе как продолжение размышлений Юнгера над исторической реальностью начала 1950-х гг. была воспринята его концепция «Ухода в Лес». Сомнение Юнгера в своих прежних понятиях и их определениях — это не только отражение внутренних исканий мыслителя, но и попытка европейских интеллектуалов осознать приближение эпохи Постмодерна. Консерватор Юнгер обращается в этой концепции к свободе, которую прежде предлагали либералы.

Но для него свобода — это не движение вперед, но возможность остаться в Лесу. Он отвергает государство, но потому, что оно разрушает порядок, опираясь на большинство, не имеющее никаких основ, а испытывающее только страх. Государство, построенное на таких чувствах и погруженное в мифы, Юнгер не признает. В центре политического мира для него теперь не объективная реальность — государство, но субъективное бытие — индивид. Он предлагает делать политику опорой на собственный интуитивный расчет каждому одиночке, каждому Ушедшему в Лес.

Предложенная Юнгером модель европейского консерватизма позволяет обозначить перспективу самостояния и для русского интеллигента, который также готов «в любой точке Земли» к «уходу в Лес» для сохранения своих национальных ценностей. Мыслитель видел это на примере продолжавших сопротивление большевикам представителей русской интеллигенции, как покинувших родину, так и оставшихся в России.

Работы «Через линию» и «Уход в Лес» необходимо рассматривать в рамках решения общей проблемы политического самоопределения индивида в начале 1950-х гг. Если непосредственно послевоенное требование перехода «через линию» означает признание себя нигилистом, без чего невозможно изменение индивида, то Ушедший в Лес предлагает такой выбор. Эта модель является политической программой европейской интеллигенции по пути событий середины XX в.

Примечания

- ¹ Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945 — декабрь 1948). СПб., 2007. URL: http://militera.lib.ru/db/0/pdf/junger_e02.pdf (дата обращения: 04.05.2019).
- ² Юнгер Э. Через линию // Судьба нигилизма / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб., 2006.
- ³ Юнгер Э. Уход в Лес / пер. А. Климентова // Геополитика.ru. URL: https://www.geopolitica.ru/sites/default/files/ernst_yunger_-_ukhod_v_les.pdf (дата обращения: 04.05.2019).
- ⁴ Смирнов Д. А. Национальное поражение глазами интеллектуала-консерватора: Эрнст Юнгер о человеческих трагедиях в оккупированной Германии // Интеллигенция и мир. 2017. № 4.

- ⁵ Юнгер Э. Годы оккупации.
- ⁶ Юнгер Э. Через линию. С. 14.
- ⁷ Юнгер Э. В стальных грозах / пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. СПб., 2000.
- ⁸ Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 — апрель 1945). СПб., 2002.
- ⁹ Юнгер Э. Через линию. С. 24.
- ¹⁰ Там же. С. 32.
- ¹¹ Там же. С. 38.
- ¹² Там же. С. 38—39.
- ¹³ Там же. С. 43.
- ¹⁴ Там же. С. 45.
- ¹⁵ Бенуа А. Юнгер, Хайдеггер и нигилизм / пер. А. Игнатьева // Санскрит, индуизм, тантра. Сайт Андрея Игнатьева. URL: <http://www.mahadevi.ru/juenger.pdf> (дата обращения: 04.05.2019).
- ¹⁶ Юнгер Э. Через линию. С. 22.
- ¹⁷ Козловски П. Миф о модерне: Поэтическая философия Эрнста Юнгера. М., 2002. С. 94.
- ¹⁸ Юнгер Э. Уход в Лес. С. 24—25 (далее ссылки на эту работу приводятся в тексте с указанием страниц в скобках).
- ¹⁹ Никиши Э. Странствие по лесу / пер. А. Игнатьева. URL: http://rossia3.ru/ideolog/nashi/les_niekisch (дата обращения: 04.05.2019).
- ²⁰ Там же.

Д. С. Буданова

СИМВОЛЫ ВЛАСТИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ЖИВОПИСИ ЗДЗИСЛАВА БЕКСИНСЬКОГО

О методологии: интерпретация или означивание?

Живописные произведения польского художника Здзислава Бексиньского сложны для анализа и интерпретации, прежде всего, потому что сам художник постулировал принципиальное отсутствие верных трактовок своих произведений и не давал им названий¹. Тем не менее, мы считаем, что преодолеть «сопротивление» автора вполне возможно, если опираться на совокупность постструктуралистских и деконструктивистских подходов, предложенных Ж. Деррида, У. Эко, Р. Бартом, Ж. Лаканом, Ч. С. Пирсом, Ф. де Соссюром и др.

Начнем с определения живописного произведения как текста, то есть такого продукта «человеческой целенаправленной деятельности <...> в генезисе которого принимала активное участие человеческая субъективность»². Справедливости ради заметим, что наша позиция ближе к концепции текста, предложенной Ж. Деррида, утверждавшего, что «внетекстовой реальности вообще не существует»³. Следовательно, автор и интерпретатор также находятся внутри текста, то есть в рамках доминирующих норм, социокультурных представлений. Более того, сознание (и — добавим — бессознательное) автора и его толкователя представляют собой лишь совокупность культурных кодов, присущих эпохе. Из этого рассуждения Ж. Деррида делает вывод о смерти

© Буданова Д. С., 2019

Буданова Дарья Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. dsskvorcova@rambler.ru

Budanova Darya Sergeyevna — candidate of historical sciences, the associate professor of humanitarian and natural-science disciplines, Ivanovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

автора. Мы же не будем заходить так далеко, вовсе отказывая художнику в индивидуальности.

В то же время любой текст представляет собой элемент процесса коммуникации. Следовательно, живописное произведение может рассматриваться как сообщение.

Согласно У. Эко, «теория информации предлагает такую стандартную модель коммуникации: есть Отправитель, есть Сообщение и есть Адресат (Получатель) — Сообщение порождается, а позже интерпретируется, исходя из определенного Кода, общего для Отправителя и для Адресата»⁴. Однако З. Бексинский не дает ключа к коду, фактически уничтожая саму возможность однозначного толкования сообщения: получатель/адресат может формулировать свои собственные гипотезы относительно содержания и смысла сообщения в зависимости, например, от личных мировоззренческих установок, уровня эрудиции или социокультурных обстоятельств. Фактически картины З. Бексинского являются сообщением-формой, сообщением без содержания — его восстанавливает для себя зритель в зависимости от многих объективных условий и субъективных установок.

Возвращаясь к концепции У. Эко, обратим внимание на понятие «М-Читатель», под которым философ подразумевает «модель возможного читателя», предполагаемую автором⁵. Такой М-Читатель применяет тот же комплекс кодов, что и автор. Иначе говоря, автор, рассчитывающий на то, что его текст будет верно интерпретирован, стремящийся не к монологу, а к диалогу, к полноценной коммуникации, конструирует для себя идеального читателя/зрителя/получателя сообщения. В таком случае текст превращается в стратегию, которая стремится вызвать у идеального читателя серию интерпретаций⁶.

З. Бексинский не создавал такой модели, он не видел своей целевой аудитории, подчеркивая, что человек, в зависимости от особенностей воспитания и образования, может по-разному интерпретировать его картины. Следовательно, полотна художника представляют собой так называемые «закрытые тексты», то есть тексты, для понимания которых не задана модель идеального читателя. В действительности же эти тексты слишком открыты для различных неверных декодирований, для ложных интерпретаций⁷. В то же время художник дал право интерпретировать

его картины свободно, не сковывая себя условностями: «Если поверить, что Бог говорит устами каждого человека, а я в это верю, то из уст других людей... можно услышать собственные мысли, над которыми еще не думал. В такой трактовке критик стал бы совестью творца»⁸.

Картины З. Бексиньского можно рассматривать и как письмо, в интерпретации Р. Барта. Французский философ называл письмом «способ связи между творением и обществом, это литературное слово, преображенное благодаря своему социальному назначению, это форма, взятая со стороны ее человеческой интенции и потому связанная со всеми великими кризисами Истории»⁹. Строго говоря, письмо — это диалектическое отношение коллективного (языка) и индивидуального (речи). При этом языку присущи обязательные коды, а речи — импульсы бессознательного. В известном смысле письмо — это вынужденный «компромисс между свободой и воспоминанием»¹⁰. Другими словами, автор не в состоянии отбросить те коды, которые уже присущи языку. И не важно, какой язык мы имеем в виду: состоящий из слов или состоящий из образов. Важно другое: интерпретатор, созерцающий картины польского художника, является, как правило, носителем того же языка — языка европейской культуры, а вот индивидуальная речь автора остается загадкой, к которой еще нужно подобрать ключ.

Рассуждая о современной ему литературе, стремящейся к обновлению, «свежести», Р. Барт пишет: «Находились писатели, полагавшие, что избавиться от этого сакрального письма можно только лишь путем его разрушения; они принялись подрывать литературный язык, вновь и вновь взламывать скорлупу оживающих штампов, привычек, всего формального прошлого писателя; ввергнув форму в полнейший хаос, оставив на ее месте словесную пустыню, они надеялись обнаружить явление, полностью лишенное истории, обрести новый, пахнущий свежестью язык <...> Письмо в этом случае сводится к своего рода негативному модусу, где все социальные и мифологические черты языка уничтожаются, уступая место нейтральной и инертной форме...»¹¹

З. Бексиньский в рамках своего творчества действовал, как упомянутые Р. Бартом литераторы — он принадлежал к авангардным направлениям в изобразительном искусстве, представители

которых пытались привнести что-то новое в живопись, рисунок, скульптуру, фотографию и др. Часть этих новаторов пыталась лишить изображение формы, часть — содержания. З. Бексиньский относился к последним. Его картины, если верить самому художнику, — лишь причудливая в мельчайших деталях выписанная форма, лишенная содержания. Подчеркнем, что сам автор не вкладывал содержания в свои произведения, лишая их смысла, идеи, миссии и порождая, таким образом, хаос. Напомним, что картины З. Бексиньского не имеют названий, а по мнению Р. Барта, «смысл есть только там, где предметы или действия названы»¹². Зритель же, пытаясь преодолеть этот хаос, самостоятельно вкладывает содержание в картины З. Бексиньского, наделяя их, таким образом, смыслом и идеей. Но, как было сказано выше, картины польского художника — игра, лишенная правил. Другими словами, читатель/зритель/интерпретатор, не зная ключей к кодам и правил, бесконечно порождает ложные интерпретации.

По всей видимости, эта ситуация забавляла художника: «...наблюдатели приписывают им [картинам] определенное содержание. Уверяю Вас, что я удивлен, слушая прямо противоположные экзегезы одной и той же картины, данные разными людьми в понедельник, четверг и пятницу одной недели... Впрочем, не люблю разговоров о темах моих картин. Мое отношение к ним, пожалуй, аутистическое, и я полагаю, что их содержание просто неразрешимо»¹³.

Стремление осмыслить бессмысленное, обнаружить символы и расшифровать их значение внутренне присуще человеку. Наиболее остро это чувствовало Средневековье с его герменевтической потребностью отождествлять мир с книгой, написанной Богом¹⁴. Неудивительно, что именно Средневековье стало временем становления аллегорического толкования как религиозных, так и светских текстов. Так, например, Ориген говорил о буквальном, мистическом и моральном смыслах Писания. Августин Дакийский предложил теорию четырех смыслов библейского текста (буквального, аллегорического, морального и анагогического)¹⁵. Гуго Сен-Викторский выдвинул теорию, согласно которой текст содержит грамматическую структуру (*litera*), смысл (*sensus*) и мысль (*sententia*). При этом именно мысль является

формой самого глубокого понимания, доступного только через толкование и комментирование¹⁶.

Однако картины З. Бексиньского, на наш неискушенный взгляд, «сотканы из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников»¹⁷. Автор в этих картинах вовсе не мертв: он жив и он кричит о своих проблемах. Интерпретатор должен только услышать этот безмолвный крик.

Выше мы допустили некоторое преувеличение, констатируя отсутствие ключей для декодирования картин З. Бексиньского. На самом деле ключи для интерпретации произведений польского художника можно найти как в историческом контексте, так и в эпистолярном наследии автора, а также в его многочисленных интервью.

Исходя из всего вышесказанного, опираясь прежде всего на идеи Р. Барта, У. Эко, а также на постструктуралистский деконструктивистский комплекс идей Ж. Деррида, мы в рамках настоящей статьи будем стремиться не столько реконструировать исходное значение картин З. Бексиньского (тем более, что это невозможно по признанию самого автора), сколько пытаться обнаружить скрытые смыслы, которые, возможно, и не осознавались автором. Наша основная интерпретативная стратегия — это означивание. Согласимся здесь с С. С. Венейном, который утверждает, что главной функцией интерпретации является «именно расширение смыслового горизонта, добавление нового смысла»¹⁸. И — далее: «...интерпретация — это всегда порождение и нового смысла. Не только расшифровать то, что хотел сказать художник. То, что он хотел сказать, он, может быть, и сам толком не знал»¹⁹.

Всё вышесказанное мы дополним следующим утверждением: фундаментом картин З. Бексиньского являются символы, хотя сам он это отрицал.

О символах: от Космоса к Хаосу

Символ — это разновидность конвенционального знака, который в наглядно-образной форме может передать абстрактные идеи и понятия, связанные с тем объектом, который призван выражать. Вслед за Э. Кассирером, А. Уайтхедом или Ж. Лаканом мы можем говорить о позитивных функциях символа и понимать его как нечто, служащее для упорядочения, гармонизации

реальности, то есть нечто, являющееся воплощением Космоса. В контексте нашего исследования особый интерес представляет утверждение Ж. Лакана, согласно которому символическое есть объективация бессознательного, существуя, таким образом, в культуре и психике. В одном из писем к другу З. Бексиньский писал: «Тогда, когда язык начал формироваться, он служил для описания символов. По мере развития, оставаясь верным символам, язык стал развиваться самостоятельно и подчиняться собственным законам развития. Сейчас мы думаем языком “осознанно”, а неосознанно по-прежнему мыслим символами»²⁰.

С другой стороны, мы можем согласиться с Ж. Делезом и Ж. Бодрийаром, которые трактовали символ как нечто выражающее разрозненность и являющееся воплощением Хаоса²¹. Ж. Деррида полагал, что символы всегда связаны с другими символами, отсылают к ним, существуют только во взаимосвязи и не являются ни стабильными, ни универсальными²².

А. Ф. Лосев указывал на то, что символ является не просто отражением или функцией вещи; эта функция «разложима в бесконечный ряд, так что, обладая символом вещи, мы, в сущности говоря, обладаем бесконечным числом разных отражений, или выражений, вещи, могущих выразить эту вещь с любой точностью и с любым приближением к данной функции вещи»²³. Другими словами, символ «в скрытой форме содержит в себе все вообще возможные проявления вещи»²⁴. Эта обобщенность и идейная насыщенность вещи делает символы чем-то загадочным, таинственным и даже мистическим для нашего сознания.

О том, что каждый символ может иметь различные и даже противоположные интерпретации, писал также Л. Бенуас; при этом он подчеркивал, что символ обретает свой полный смысл только тогда, когда различные его интерпретации сливаются²⁵. Эта мысль может быть экстраполирована и на сами произведения З. Бексиньского: так, зрители видели его картины апокалиптическими, мрачными, жуткими, сам же художник считал их, прежде всего, эстетически красивыми, порой — милыми, порой — гротескными. Зрители и критики обращали внимание на содержание произведений, художник — на форму: «Восход солнца над безлюдной пустыней — не милый и не безобразный. Только наблюдатель может назвать его или милым, или безобразным. Так есть

и с моими картинами. Это всего лишь куски картона, намазанные краской в определенном порядке. Кто видит картину, тот интерпретирует ее. Это его право. Но не более. Автор может говорить о том, что было близко ему, а ты видишь то, что видишь»²⁶. Приведем и еще одно знаковое высказывание З. Бексиньского: «Я нарисовал лицо, которое казалось мне нежным. Пришел многообещающий журналист из прессы, женщина, и говорит: “Это жуткое лицо с содранной кожей”. Я думаю — Иисус Мария, я хочу нарисовать нежную картину, а люди всегда ассоциируют это с апокалипсисом. . . . Когда я говорю, что хочу рисовать красивые картины, они говорят, что я лгу. Для меня важно, чтобы картина была красиво написана»²⁷.

Отчасти позиция З. Бексиньского близка позиции Казимира Малевича, призывавшего отказаться от предметной живописи, от вещей: «Оставьте вещи-предметы торговцам, они нужны для обихода домашнего»²⁸ или «Нами осознано, что мир вещей в Искусстве отошел в предание»²⁹. З. Бексиньский не был супрематистом, как, впрочем, не был он и абстракционистом (хотя и говорил о том, что его манера письма вышла из опыта абстрактного искусства). Более того, в одном из писем П. Дмоховскому он признавался: «Если я полностью уберу то, что Вы называете фигурой, и оставлю то, что Вы называете фоном, то этот фон утратит все качества, которые я чувствую. <...> То, что Вы называете фоном, существует только в противоположность тому, что Вы определяете как фигуру. Процесс сокращения до пределов абстракции в окончательном виде приведет к появлению белого квадрата на белом фоне Малевича или серии синих картин Кляйна. Я не отрицаю этот способ видения или эту форму минимализма, но это странно для меня»³⁰.

В то же время хотя З. Бексиньский не призывал отказаться от вещей, но он предпринял серьезную попытку лишить вещи привычного им смысла, предназначения.

Художник часто использовал в своих картинах такие элементы (пока не будем называть их символами), как башня, собор, корона, проклятый правитель, сидящий на троне, и др. «Привычность» этих образов, их распространенность в европейской христианской культуре заставляет зрителя думать, что за ними скрывается что-то большее. Однако художник возражал:

«...я не люблю символов. Человек, оперирующий символами, знает, что скрывается за вещами. Я не утверждаю, что за моими картинами ничего не скрывается. Я, честно говоря, не знаю»³¹. Тем не менее, З. Бексиньский сам указывал на то, что использовал в своей живописи «легко читаемые знаки», не являющиеся символами «в понимании символической живописи XIX века»³².

Обратим также внимание и на то, что художник был знаком как минимум с двумя подходами к анализу символов. О подходе М. Элиаде он упоминал как в интервью, так и в переписке. О концепции К. Г. Юнга З. Бексиньский довольно пространно рассуждал в письмах к другу: «...на Юнге остановился с большой заинтересованностью, а на Элиаде не смог <...> Наверное, Элиаде меня не интересует, потому что рассматривает массу символов в историческом аспекте <...> Ты скажешь, что я непоследователен, потому что ранее писал о том, что теория бессознательного и архетипа кажется мне убедительной <...> Согласен с Юнгом, архетип может проявляться в размытых символах <...> Если заглянуть в себя, то можно найти там всё, потому что там всё есть. Если будем всматриваться в Элиаде, Фрэзера, Леви-Стросса или, например, Штрайхера, то найдем там круги, квадраты, свастики, троицы, женские и мужские элементы и тому подобные символы, в которых архетип проявился еще тысячи лет назад и в которых проявляется и сейчас»³³. Из приведенной цитаты можно видеть, что сам З. Бексиньский склонялся к юнгианству, признавая существование по крайней мере архетипов.

О художнике: XX век пана З. Бексиньского

Польский художник Здзислав Бексиньский родился в 1929 году в польском городке Санок. Будучи ребенком, он пережил Вторую мировую войну. Интересно, что ее влияние на собственное творчество художник отрицал: «Когда началась Вторая мировая война, мне было десять лет. Я был воспитан на комиксах, лучах смерти и марсианах, я ожидал, что война принесет необычайно зрелищные впечатления. В то же время война в моем сознании свелась к замене одной армии чиновников другой армией [здесь художник пишет о немецкой оккупации] и бедной еде. Трудно говорить о том, что писал военные катастрофы под влиянием кошмара, запомненного с детства. ...Конечно, я видел

убитых и пережил длительную оккупацию, но такие вещи сходят с ребенка, как с гуся вода»³⁴. Это утверждение З. Бексиньского кажется довольно странным, поскольку известно, что в местечке Жебни у города Санок находились немецкие лагеря для военнопленных (например, Stalag 325 и 327)³⁵.

В Саноке будущий художник закончил школу. Уже тогда З. Бексиньский увлекся рисованием, благодаря чему был известен в школе и даже проводил выставки своих работ³⁶. Однако рисование и живопись не рассматривались в качестве будущей профессии: «По окончании школы планировал поступать в высшую Школу кино в Лодзи. ...Школа кино в Лодзи выпускала 24 выпускника ежегодно. Мой отец считал, что в этой ситуации у меня не будет ни малейшего шанса найти работу. В то время Польша была разрушена — он считал, что архитекторы будут иметь сумасшедшие возможности дохода. <...> Отец думал, что я буду частным архитектором, у которого будут десятки заказов. Он сказал, что будет оплачивать мое обучение на архитектуре, а когда я закончу ее, то будет оплачивать мое обучение в школе кино»³⁷. Однако по окончании Краковского Политехнического университета З. Бексиньский уже не стал поступать в Школу кино: «...фильмы, которые снимались в период социализма, не вызывали во мне желания учиться в Школе. Вдобавок я представлял себе, что сталинизм никогда не закончится, поэтому потерял интерес к искусству, и к искусству кино в частности»³⁸.

Получив направление на работу, З. Бексиньский вернулся в Санок, где некоторое время трудился на стройке. В 1950-х годах он заинтересовался фотографией, живописью и скульптурой, с которыми остался неразлучен до конца жизни.

Пройдя непростой путь собственного живописного языка и стиля, З. Бексиньский в 1960-е годы обрел известность сначала в Польше, а потом и за рубежом. 1970-е годы стали так называемым «фантастическим» периодом в творчестве художника; он продолжался вплоть до конца 1980-х годов. Характерной особенностью произведений этого периода стало наполнение полотна многочисленными подробно выписанными деталями. Сам художник такую манеру письма называл барочной. С другой стороны, картины этого периода тяготели к сюрреализму, от которого в 1980-е годы З. Бексиньский стал постепенно дистанцироваться:

«...если меня что-то связывает с сюрреализмом, то только метод свободных ассоциаций... Я более сильную связь чувствую с живописью XIX века, а не с сюрреализмом»³⁹.

Картины позднего периода творчества (1990-х — начала 2000-х годов) могут быть отнесены к готической манере, в которой доминировало не наполнение, а форма.

Конец 1990-х годов принес художнику две трагедии: в 1998 году умерла его жена Софья, а в 1999 году сын Томек закончил жизнь самоубийством. Сам Здзислав Бексиньский был убит в феврале 2005 года.

Важным аспектом мировоззрения художника для нас является его отношение к политике.

С одной стороны, З. Бексиньский довольно последовательно определял себя как человека, не интересующегося политикой. Это характерно для 1980-х годов, что подтверждает переписка с П. Дмоховским: «Мой мир — это мир самоанализа и аутизма, безразличный и к политике, и к истории, и к патриотизму, и к народу; он наполнен отвращением ко всему, что его окружает»⁴⁰. Это характерно и для 1990-х годов. Так, в одном из интервью З. Бексиньский утверждал: «Я никогда не выходил на улицу и ничего не требовал, я просто-напросто равнодушный. Также не подписывал протестов или петиций. Не ходил на митинги. Лучше всего дала мне определение одна пани в Санюке много-много лет назад: “Пан Бексиньски — глубоко асоциальная одиночка”»⁴¹.

Художник явно пытался дистанцироваться от политики, политиков и политической ситуации. Обсуждая с П. Дмоховским несостоявшуюся выставку, З. Бексиньский писал: «В существовавшей тогда политической атмосфере моя выставка стала бы противопоставляться “режиму”, а я бы выступал <...> в качестве однодневной примадонны “Голоса Америки” или “Свободной Европы”. Это, конечно, не значит, что я поддерживаю власть в Польше, но я не желал бы такой формы пропаганды собственного творчества... так же, как не желал бы себе рекомендательных писем от Валенсы!»⁴² Ту же мысль художник повторил позднее, в одном из интервью: «Я не революционер по натуре, но я никогда не хотел быть награжден никакой властью — ни прежней, ни настоящей <...> Я хочу и всегда хотел представлять себя, а не нацию,

партию, отечество или церковь. Поэтому я бы чувствовал себя плохо, если бы кто-то повесил на меня медаль»⁴³.

С другой стороны, в одном из интервью З. Бексиньский назвал себя «либералом до мозга костей». Художник даже признался, что какое-то время интересовался политикой, однако вскоре понял, что в Польше насчитывается не более 2,5 процентов либералов, которых он мог бы поддерживать⁴⁴.

Тем не менее, однажды З. Бексиньский довольно подробно описал один из политических концептов, близких его сердцу: «...я мечтаю о такой Агоре, на которой есть всё. Агора, на которой существует свобода дискуссии, но без ненависти, так как сейчас растет меланхоличное осознание того, что всё, что человек способен придумать, — глупо и дерьмово, и уж точно — не стоит убийства оппонентов. К сожалению, это представление в целом утопично, как на это указывают Косово, Сараево, Ирландия, Палестина и другие менее либеральные Агоры, чем та, которую я себе придумал»⁴⁵.

Что же касается конкретных политических событий или лидеров, то в переписке с П. Дмоховским З. Бексиньский неоднократно и довольно подробно описывал свое отношение к убийству ксендза Ежи Попелушко, упоминал В. Ярузельского, ПОРП и «Солидарность», назвал Л. Валенсу харизматичным лидером рабочих и даже саркастично сравнил его способность влиять на массы с аналогичной способностью А. Гитлера⁴⁶.

Порой художник иронизировал над актуальной политической ситуацией: «Я написал бы картину с пространством и движением, в ярких цветах, картина представляет Иоанна Павла II на мотоцикле, также там есть множество собак, коней и знамя с Валенсиой, рядом — Ярузельский вырывает остатки волос от горя, что дожил до той минуты, когда на горизонте встает заря свободы, которую созерцает старик-паломник, опирающийся на палочку, а рядом Мать Польша указывает на госпиталь своего имени; также там есть Родина, срывающая оковы...»⁴⁷

Выражая свое отношение к политическому режиму, художник писал: «Лично я не страдал ни от коммунизма, ни от фашизма, ни от другого режима, хотя жил при диктатуре пролетариата и при гнивающем реальном социализме и не полюбил ни того, ни другого. Это мое дело»⁴⁸.

Попытка интерпретации/означивания символов

В полотнах З. Бексиньского можно обнаружить символы власти, имеющие конкретно-историческое и политическое значение. К таким символам относятся *перекрещенные* серп и молот, олицетворяющие единство рабочих и крестьян и являющиеся в таком виде государственной эмблемой Советского Союза. Как минимум дважды этот символ встречается на картинах художника в явном (не измененном) виде. В обоих случаях эмблема помещена на деформированные головы, одна из которых может быть обозначена нами как «говорящая» (рис. 1), а вторая — как «молчащая» (рис. 2).

Рис. 1. Бексиньский З. DG-3267. Около 1980⁴⁹

Однако не все изображения серпа и молота столь очевидны. Так, на рисунке 3 изображен маленький человек за трибуной. По левую руку от него размещены разьединенные серп и молот. Деловой костюм и галстук оратора явно указывают на то, что перед нами — официальное лицо. Вертикальная ориентация картины, а также вертикали, выстроенные линиями кафедры, фигурой человека и стоящей за ним птицы, указывают на символику верха, которая, на наш взгляд, сама по себе адресует интерпретатора к проблематике власти. Своеобразной насмешкой в этом контексте стала надпись на трибуне «Blind» («слепой»). Глаза человека действительно выглядят пустыми.

Рис. 2. Бексиньский З. DG-3268. 1979—1980⁵⁰

Интересен и социально-политический контекст создания обеих картин. Обратим внимание, что они появились около 1980 года. Именно в это время — в конце 1970-х — в стране начинается социально-экономический и политический кризис, приведший, в частности, к ухудшению отношений между Польшей и Советским Союзом.

Рис. 3. Бексиньский З. Без названия. Год неизвестен⁵¹

Серп присутствует и на картине, созданной в 1982 году (рис. 4). Он вырастает из разложившегося тела человека. Серп перекрещивается с месяцем на небе. Обратим внимание на то, что художником — умышленно или нет — изображена убывающая луна, символизирующая, тем более вкупе с разлагающимся трупом, смерть. Символика верха реализована растущими из тела серпом и деревьями.

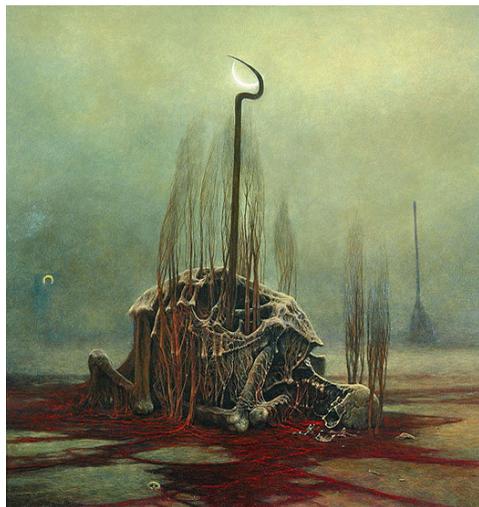

Рис. 4. Бексиньский З. DG-2507. 1982⁵²

В свою очередь *перекрещенные* серп и молот или перекрещенные *серпы* закономерно отсылают нас к другому — излюбленному художником символу — *кресту*, разные формы которого в различных культурных контекстах довольно часто выступали в качестве символов власти и могущества⁵³. Не стоит забывать и о том, что крест как орудие пытки и казни (например, в Древнем Риме) совершенно явно ассоциировался с властью, поскольку именно государственная власть обладала монополией на насилие. Обратим внимание и на то, что крест в живописи З. Бексиньского не является символом искупления, о чем говорил и сам художник: «Христос здесь (в живописи З. Бексиньского. — Д. Б.) отсутствует. Отсутствует также идея искупления, которая является основным аспектом смерти Бога на кресте... Не исключаю, что,

рисуя распятие, не до конца понимаю, о чем идет речь, но точно знаю, о чем не идет»⁵⁴.

Отметим, что в фигуре креста заложена как символика центра, так и символика верха: и то, и другое должно нам указывать на некую властную проблематику в картинах З. Бексиньского.

Кроме того, крест у человека, рожденного и воспитанного в европейском культурном пространстве, неизбежно будет вызывать ассоциации с Христом, которого библейские книги неоднократно называют царем. Так, например, Евангелие от Матфея именует его Царем славы⁵⁵, Откровение Иоанна Богослова — Царем Царей⁵⁶. В то же время образ Христа у интерпретатора вызывает стойкие ассоциации с осознанной жертвенностью. Интересно, что Польша в исторической памяти поляков, а также в польской философии и польских геополитических идеях предстает в образе Мессии. Есть и более явная аналогия: на плакате Артура Шика «Польша — Христос народов» (1939) Польша, облаченная в характерную польскую военную форму, изображена распятой на кресте.

Возвращаясь к символике креста, обратимся к мнению К. Юнга, согласно которому крест представляет собой архетип Троицы. Однако правильнее ее было бы называть «четверицей», поскольку три луча креста олицетворяют Сына, Отца, Святого Духа, а четвертый — Деву. Интересно, что эта интерпретация четвертого луча креста была предложена средневековыми натурфилософами, на которых и ссылается К. Юнг⁵⁷.

Таким образом, и крест как олицетворение, помимо прочего, женского начала, и библейская биография Христа закономерно приводят нас к другому образу — образу Девы Марии, или Мадонны с младенцем. Этот образ внутренне не однороден и предстает в двух ипостасях: первой является Жена, облеченная в Солнце, второй — собственно Мадонна с младенцем. Но обе они в живописи З. Бексиньского тесно связаны между собой.

Женскую фигуру (рис. 5), качающую люльку с младенцем, можно трактовать и как символ Девы Марии, и как символ Жены.

На первую нам указывает сам образ, довольно распространенный в живописи. В качестве примера приведем картину Эдуарда Ансена-Хоффмана (рис. 6).

Рис. 5. Бексиньский З. DG-2216. 1974⁵⁸

Рис. 6. Ансен-Хоффман Э. Дева Мария с Младенцем Иисусом⁵⁹

Также на образ Девы Марии указывает синее одеяние фигуры, крест на люльке и персонаж, распятый на стене. Два этих

креста ясно обозначают на будущее того, кто находится в колыбели. Не случайно на стене мы видим надпись: «In hoc signo vinces» («Под этим знаком победишь»).

На символ Жены намекает укрытие, в котором находится женская фигура: как известно, Жена была вынуждена прятаться в пустыне от преследовавшего ее Дракона. Однако ее образ нуждается в дополнительной трактовке, актуальной в свете нашего исследования.

В действительности христианская традиция насчитывает множество интерпретаций центрального персонажа Апокалипсиса — Жены, облаченной в Солнце. Однако мы обратимся только к одной, в рамках которой Жена понимается как символ Небесного Иерусалима. Характерно, что З. Бексиньский часто писал разрушенные города, а в культуре вообще и в христианской культуре в частности женщина может быть персонификацией города. Тот же Апокалипсис Иоанна Богослова с помощью женских образов показал два города — Небесный Иерусалим и Вавилон, персонификацией которого в свою очередь стала Вавилонская блудница⁶⁰. Город же в культуре и истории часто понимается как место власти, в том числе и политической власти.

Итак, мы подошли к главным символам власти в живописи З. Бексиньского — городам и зданиям, которые в творчестве художника довольно часто приобретали апокалиптическое «звучание».

Здесь необходимо сделать важную оговорку: символы вообще и символы в искусстве, в том числе, часто могут иметь диаметрально противоположные значения, а значит, и диаметрально противоположные интерпретации. Позволим себе представить две интерпретации (пессимистическую и крайне pessimistическую) символа Агоры в живописи З. Бексиньского.

Пессимистическая интерпретация. Картины, содержащие изображения зданий и городов, условно делятся на две группы: Агора и Град обреченный⁶¹. Их можно было бы назвать Небесный Иерусалим и Вавилон, но, во-первых, автор не относил себя к числу людей верующих или религиозных, во-вторых, он сам в одном из интервью дал нам ключ для понимания символики власти в его живописи — Агора, представляющаяся иллюзорным и потому совершенно недостижимым идеалом.

Рис. 7. Бексиньский З. Без названия. 1987⁶²

На представленной выше картине (рис. 7) Агора выглядит несколько обветшалой, но, тем не менее, светлой и приветливой. Художник использовал мягкие, пастельные цвета, вполне позитивные образы, что можно считать скорее исключением для живописи З. Бексиньского. Символика власти здесь обозначена только символикой верха и зданиями, напоминающими древнегреческие сооружения. Однако обратим внимание, что к зданиям не ведет ни одна тропинка — все дороги заросли цветами, а это указывает на не востребованность идей Агоры.

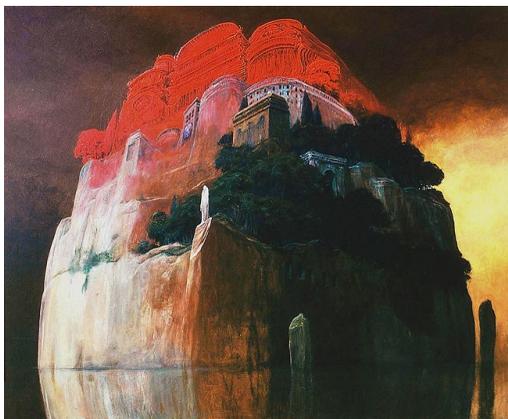

Рис. 8. Бексиньский З. DG-2490. 1977⁶³

Власть в картине, размещенной выше (рис. 8), означивают и красный — в своем багряном оттенке традиционно считающийся цветом власти — цвет зданий, и символика верха, нашедшая выражение в образе горы (холма). В то же время расположенные на горе здания отчетливо напоминают своими контурами и некоторыми элементами, в частности колоннами и фронтонами, древнегреческие здания, отсылающие нас к образам Акрополя или Агоры. Гора с расположенными на ней зданиями находится в море и выглядит неприступной, что совершенно отчетливо демонстрирует недостижимость того идеала власти, который З. Бексиньский описал в интервью.

Рис. 9. Бексиньский З. DG-3417. Год неизвестен⁶⁴

Та же идея, нашедшая воплощение в символическом образе верха, изображении, похожем на древнегреческое здание, а также использование различных оттенков красного содержится в другой картине (рис. 9).

Агора в интерпретации З. Бексиньского кажется мрачной, но таков стиль художника. По-настоящему жутко выглядит то, что мы назвали Град обреченный.

Рис. 10. Бексиньский З. DG-2494. 1977⁶⁵

На рисунке 10 к расположенному на вершине горы разрушенному зданию ведет некое подобие кладбища: надгробными плитами, а значит, и смертями устлан путь к вершине власти.

Подобное сочетание образов встречается и на другой картине З. Бексиньского (рис. 11).

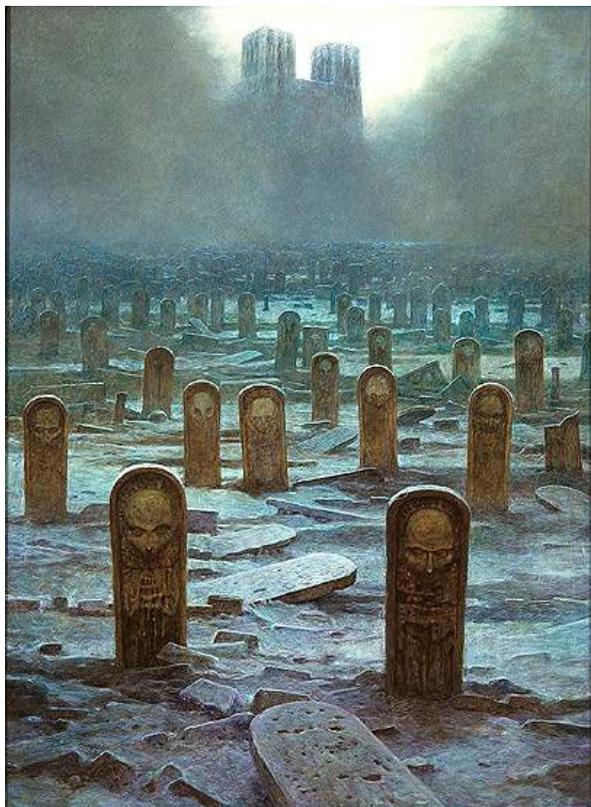

Рис. 11. Бексиньский З. DG-2234. 1985⁶⁶

Здесь, однако, художник не использовал багряно-красные тона, но и без этого картина явным образом отсылает нас к проблемам власти.

Крайне пессимистическая интерпретация. Как известно, Агора — это не город, а часть города. Обычно, это рыночная площадь, а также место общегражданских собраний. Здесь же могли располагаться различные правительственные учреждения. Однако только в древнейшую героическую эпоху Агора находилась у двора царя (как это было в Трое). В последующие эпохи Агора всё чаще стала располагаться в так называемом *нижнем городе*, например в Афинах классического периода. Признаем, что Агора

сохранила и даже укрепила свое значение. Но нам важно другое: она находилась не на холме, а у холма, внизу. На холме же располагался Акрополь, который еще в архаическую эпоху приобрел значение не только силы и власти, но и сакрального места в то время как Агора являлась местом скорее профанным.

Теперь посмотрим через призму вышесказанного на пять уже проанализированных картин. На трех первых (рис. 7—9) мы видим вовсе не Агору, а Акрополь, расположенный на возвышении и тем или иным образом отрезанный от внешнего мира, людей. Власть, означенная багряно-красным цветом, изображением античных зданий и символикой верха, замкнулась в себе.

На двух других картинах (рис. 10, 11) также изображены Акрополь и Агора, вкуче являющиеся тем самым Градом обреченным, гибель которого уже неизбежна. При этом если Акрополь на обеих картинах еще сохраняет свое властное и сакральное значение, то Агора, судя по надгробным плитам, устилающим холм, уже мертва. На властное значение Акрополя по-прежнему указывает символика верха; его сакральность очевидна на второй картине — вершина здания, напоминающего, кстати, готический собор, находится в лучах белого цвета.

Какой бы интерпретации Агоры/Акрополя/Града обреченного ни придерживаться, нельзя обойти вниманием монументальность сооружений на представленных выше картинах. Характерно, что архитектура всегда так или иначе была связана с властью. Особенно справедливым это утверждение является по отношению к тоталитарной архитектуре, отчетливо тяготеющей к монументальным формам — формам, устремленным вверх, к неоклассицизму, призванному стать своеобразным посредником между имперским прошлым и настоящим. В качестве примера можно привести здания МГУ и МИД в Москве, Дом Советов в Санкт-Петербурге, Железнодорожный вокзал в Волгограде. Но советское руководство транслировало свое видение архитектуры и на страны социалистического лагеря. Так, уже в 1949 году польская архитектура начинает тяготеть к монументализму⁶⁷. В 1952—1955 годах в Варшаве возводится Дворец культуры и науки, ставший подарком Советского Союза польскому народу. В 1989 году здание едва не разрушили: после обретения свободы

и независимости Польша стала видеть в «подарке» символ советского господства.

В связи с вышесказанным необходимо сделать два замечания. Во-первых, ранее мы писали о том, что З. Бексиньский был архитектором по образованию. Полагаем, что его пусть и вынужденный интерес к архитектуре сохранился и нашел свое воплощение в живописи. Во-вторых, он не мог не знать о ведущих тенденциях архитектуры конца 1940-х — 50-х годов: ведь его обучение в университете закончилось как раз в 1955 году.

Подводя итог, можно сказать, что монументальная архитектура на полотнах польского художника может быть интерпретирована в качестве символа власти, причем власти, тяготеющей к тоталитаризму, а вовсе не к демократии.

Отдельно стоит рассмотреть произведения, условно названные нами «Проклятый правитель». Самым ярким примером этой группы картин является расположенная ниже:

Рис. 12. Бексиньский З. DG-2445. 1979⁶⁸

На рисунке 12 видна согбенная человеческая фигура, сидящая спиной к зрителям на краю не пропорционально огромного трона. На ней багряно-красные одежды, напоминающие тогу или мантию. Обратим внимание, что некоторые образы на этой картине явно отсылают нас к библейским сюжетам. Так, например, на спинке другого — пустого, находящегося в отдалении, трона — расположен крест. Слева в небе изображена комета, которую можно было бы назвать апокалиптической Звездой Полярной. Белый цвет небес также адресует нас к христианским символам. Например, одежды Христа во время преображения стали «белыми, как свет»⁶⁹. Контрастом белому цвету небес выступает красно-багряное одеяние человеческой фигуры, сидящей на троне. Напомним, что красный цвет в христианстве является символом кровавой жертвы, раскаяния, греха, а багряный — символом земной власти, власти кесаря.

Другим произведением подобного рода стала картина, показанная на рисунке 13.

Рис. 13. Бексинский З.
DG-3426.
Год неизвестен⁷⁰

Написанное в красно-желтых тонах полотно вызывает гнетущее впечатление: сидящая на «троне» фигура так вросла в него, что стало невозможно понять — принадлежит ли она человеку или рожденному фантазией З. Бексиньского монстру.

Обратим внимание на то, что обе работы содержат символику верха, заданную тронами. Однако в первой картине трон имеет наклон относительно вертикальной оси, что может намекать на не-вечность, не-устойчивость власти.

Последней в этой группе рассмотрим картину, написанную З. Бексиньским в 1984 году и представленную на рисунке 14.

Рис. 14. Бексиньский З. DG-3425. 1984⁷¹

Вновь видна фигура, вросшая в свой «трон». Но теперь спинка трона состоит из уже знакомых нам вертикально стоящих серпов с длинными серповищами, а на заднем фоне изображены кресты.

Результаты

Даже столь хаотичное исследование, как наше, нуждается в выводах, которые и попытаемся сделать.

Интерпретация — процесс творческий, направленный не столько на буквальное толкование произведения, сколько на рождение и «легализацию» новых смыслов. При этом последнее подразумевает учет как личностных контекстов (к ним должны быть отнесены биография художника, его отношение к религии, политике, уровень образования, специальность, полученная в вузе, и др.), так и социальных (в рамках исследования нам необходимо было понять, о каких политических событиях художник знал, какими интересовался и т. д.).

З. Бексиньский обращал внимание на то, что пользуется образами из истории живописи, помещая их в другой контекст, что может быть охарактеризовано, с одной стороны, как хаотизация смыслового пространства, с другой — как попытка конструирования смыслов. Если сказанное сформулировать как задачи, которые мог бы поставить перед собой художник, то придется констатировать, что с обеими он справился блестяще.

З. Бексиньский, не раз подчеркивающий, что не использует символов в живописи, в действительности их использовал. То, что он не придавал им такого значения, как, например, художники-символисты, было не существенным для нашей интерпретации.

Символы власти в работах художника представлены довольно широко: среди них — проклятый правитель, трон, Агора/Акрополь/Град обреченный, символы верха, обозначенные колоннами, вертикальными элементами трона, холмами и возвышениями, на которых располагаются здания в античном стиле. В числе конкретно-исторических символов власти З. Бексиньский использовал серп и молот. В любом случае символы в живописи польского художника помещены в контекст, который, независимо от интенции создателя, считывается как негативный.

Власть в изображении З. Бексиньского носит сакральный характер, на что указывают многочисленные христианские символы, соседствующие и даже переплетающиеся с символами светской власти.

Большой интерес представляет собой символика верха, адресующая к древнему мифологическому субстрату — Мировому Древу, которое, с одной стороны, соединяет небесное и земное, с другой стороны, противопоставляет земное небесному, хтоническое ураническому.

Таким образом, логично сделать вывод о том, что символы власти в живописи польского художника тесно связаны не только с библейскими символами, но и символами, имеющими древний мифологический субстрат.

Примечания

- ¹ Поскольку З. Бексиньский не давал названий своим произведениям, владельцы галерей (в частности, Петр Дмоховский) присваивали им индексы. Именно их мы использовали в нашей работе.
- ² *Богин Г. И.* Филологическая герменевтика. Калинин, 1982. С. 20.
- ³ *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000. С. 313.
- ⁴ *Эко У.* Роль читателя: исследования по семиотике текста. М., 2005. С. 14.
- ⁵ Там же. С. 17.
- ⁶ *Эко У.* От древа к лабиринту: исторические исследования знака и интерпретации. М., 2016. С. 88.
- ⁷ Там же. С. 19.
- ⁸ *Beksiński Z.* Sztuka jako odcisk palca (wywiad, 1976). URL: <http://beksiniski.dmochowskigallery.net/library.php?section=wywiady> (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁹ *Барт П.* Нулевая степень письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косинова. М., 2000. С. 56.
- ¹⁰ Там же. С. 57.
- ¹¹ Там же. С. 90—91.
- ¹² Там же. С. 248.
- ¹³ *Beksiński Z.* Dla siebie czy dla ludzi? (wywiad, 1981-a). URL: <http://beksiniski.dmochowskigallery.net/library.php> (дата обращения: 01.04.2019).
- ¹⁴ *Эко У.* От древа к лабиринту. С. 88.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 126.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 131.
- ¹⁷ *Барт П.* Смерть автора. М., 1994. URL: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm> (дата обращения: 04.06.2019).

- ¹⁸ *Венеян С. С.* Юнг: символизм, мифология, индивидуация // Психотерапия. 2015. № 1. С. 61.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Drogi Andrzej! 14.8.68. URL: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php> (дата обращения: 01.04.2019).
- ²¹ Космос в данном случае — это миропорядок, упорядоченная Вселенная. Хаос — первичное бесформенное состояние Вселенной.
- ²² *Деррида Ж.* О грамматологии.
- ²³ *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1992. С. 8.
- ²⁴ Там же. С. 12—13.
- ²⁵ *Бенуас Л.* Знаки, символы и мифы. М., 2004. С. 46—47.
- ²⁶ Jestem w mniejszości // Przegląd Tygodniowy. 02.07.1997.
- ²⁷ Inna samotność. URL: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php?section=wywiady> (дата обращения: 01.04.2019).
- ²⁸ *Малевич К.* Отвечая старому дню. URL: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_2 (дата обращения: 01.04.2019).
- ²⁹ *Малевич К.* Мы — печать своего времени. URL: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_5/ (дата обращения: 01.04.2019).
- ³⁰ 23 października 2004 // *Dmochowski P.* Korespondencja pomiędzy Zdzisławem Beksińskim a Piotrem Dmochowskim. Warszawa, 2005. T. 3: Lata 1995—2005. S. 314.
- ³¹ Tylko paranoicy są konsekwentni // Przegląd Tygodniowy. 30.04.1989.
- ³² Jest nic. URL: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php?section=wywiady> (дата обращения: 01.04.2019).
- ³³ Drogi Andrzej! 19.09.1968. URL: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php> (дата обращения: 01.04.2019).
- ³⁴ Najbliższa jest mi melancholia // *Gazeta nieznaną.* 1995. Marzec-czerwiec.
- ³⁵ Немецкие лагеря для военнопленных во время Второй мировой войны. URL: <http://soldat.ru/force/germany/camp.html> (дата обращения: 01.04.2019).
- ³⁶ Nie pokazują żadnych treści // Tygodnik Sanocki. 18.08.1995.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Beksiński Z.* Dla siebie czy dla ludzi? (wywiad, 1981-a). URL: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php> (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁴⁰ Drogi Piotrze! (Warszawa, 12.11.85) // *Dmochowski P.* Korespondencja pomiędzy Zdzisławem Beksińskim a Piotrem Dmochowskim. Warszawa, 2005. T. 1: Lata 1983—1995. S. 368.
- ⁴¹ Uciekam od zobowiązań // *Gentleman.* 2000. № 12.

- ⁴² Warszawa // *Dmochowski P.* Korespondencja pomiędzy Zdzisławem Beksińskim... T. 1. S. 559.
- ⁴³ Po co siedzieć na kaktusie? // *Viva.* 2003. № 10-1.
- ⁴⁴ Uciekam od zobowiązań // *Gentleman.* 2000. № 12.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Drogi Piotrze! (Warszawa, 18.10.84) // *Dmochowski P.* Korespondencja pomiędzy Zdzisławem Beksińskim... T. 1. S. 190—192; Drogi Piotrze! (Warszawa, 13.11.84) // *Dmochowski P.* Korespondencja pomiędzy Zdzisławem Beksińskim... T. 1. S. 216—220.
- ⁴⁷ Drogi Piotrze! (Warszawa, 23.01.84) // *Dmochowski P.* Korespondencja pomiędzy Zdzisławem Beksińskim... T. 1. S. 29—30.
- ⁴⁸ Czwartek, 9 grudnia 2004 // *Dmochowski P.* Korespondencja pomiędzy Zdzisławem Beksińskim... T. 3. S. 381.
- ⁴⁹ *Бексиньский З.* DG-3267. Около 1980. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=3267 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁵⁰ *Бексиньский З.* DG-3268. 1979—1980. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=3268 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁵¹ *Бексиньский З.* Без названия. Год неизвестен. URL: https://vk.com/albums-908156?z=photo-908156_456242948%2Fphotos-908156 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁵² *Бексиньский З.* DG-2507. 1982. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=2507 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁵³ *Осташова Н. В.* Символ креста в истории культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. С. 3.
- ⁵⁴ *Beksiński Z.* Najbliższa jest mi melancholia (wywiad, 1995). URL: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php?section=wywiady> (дата обращения: 01.09.2018).
- ⁵⁵ Евангелие от Матфея. 19:28; 25:31.
- ⁵⁶ Откровение Иоанна Богослова. 1:5, 17:14.
- ⁵⁷ *Юнг К.* Архетип и символ. URL: http://www.pseudology.org/Psychology/Jung/Arhetip_and_simbol.pdf (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁵⁸ *Бексиньский З.* DG-2216. 1974. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=2216 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁵⁹ *Ансен-Хоффман Э.* Дева Мария с Младенцем Иисусом. URL: <https://postila.ru/post/24512482> (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶⁰ *Андрей Кесарийский.* Толкование Апокалипсиса. URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/kesar/033.htm#4> (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶¹ Град обреченный — метафора, ставшая буквально крылатым выражением, благодаря Н. Рериху и братьям Стругацким. Первый написал

одноименную картину, вторые — роман. В контексте нашей работы интерес представляет как раз картина Н. Рериха. В ее основе лежит грядущая гибель города, которую несет красный змей. В картинах же З. Бексиньского смерть городу несет он сам, его властная сущность. Хотя очевидно, что в образе города в картинах польского художника воплощены не только и не столько города, сколько, во-первых, места власти вообще, а во-вторых, целые страны, цивилизации и даже народы.

- ⁶² *Бексиньский З.* Без названия. 1987. URL: https://vk.com/albums-908156?z=photo-908156_456241238%2Fphotos-908156 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶³ *Бексиньский З.* DG-2490. 1977. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=2490 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶⁴ *Бексиньский З.* DG-3417. Год неизвестен. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=3417 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶⁵ *Бексиньский З.* DG-2494. 1977. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=2494 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶⁶ *Бексиньский З.* DG-2234. 1985. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=1&picture=2234 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶⁷ Архитектура Польской Народной Республики. 1940-е — середина 1970-х гг. URL: http://ussr.totalarch.com/architecture_polish_peoples_republic (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶⁸ *Бексиньский З.* DG-2445. 1979. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=2445 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁶⁹ Библия. Евангелие от Матфея. 17:2.
- ⁷⁰ *Бексиньский З.* DG-3426. Год неизвестен. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=3426 (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁷¹ *Бексиньский З.* DG-3425. 1984. URL: http://beksinski.dmochowskigallery.net/galeria_karta.php?artist=52&picture=3425 (дата обращения: 01.04.2019).

Н. В. Ревякина

КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ И МЫ

Вводные замечания

Чем интересна для нас культура Возрождения — эпохи, далекой от нас, почти шестисотлетней давности? Обычный ответ: интересом к человеку. И это в целом верно. Человек интересовал гуманистов и физическим строением, и красотой облика, и творческими исканиями и различными видами деятельности. Но, пожалуй, главное, о чем задумывались гуманисты, по крайней мере итальянские, в период расцвета этой культуры, касается высоких проблем — цели человека на земле, его назначения, высшего блага, достоинства человека, т. е. тех вещей, над которыми мы не всегда думаем или считаем их либо философским умозрением, либо не соответствующими научным изысканиям. А ведь они, эти гуманистические суждения, проникая в эпоху Возрождения через университеты и школы в более широкие слои населения, способствовали воспитанию человека в новом духе, отличном от средневекового, они готовили в целом поколения людей, которые вывели Европу в Новое время.

Почему такие высокие проблемы появились в гуманизме? Наверное потому, что гуманизм уходил от Средневековья, где вопросы высшего блага, назначения человека и другие решались иначе, с сугубо религиозных позиций. А гуманизм рождался

© Ревякина Н. В., 2019

Ревякина Нина Викторовна — доктор исторических наук, профессор, профессор Межвузовского центра гуманитарного образования, Ивановский государственный университет. nvrevyakina@yandex.ru

Revyakina Nina Viktorovna — doctor of historical sciences, professor, professor of the Inter-university center of arts education, Ivanovo State University.

как светское мировоззрение. Но он с уважением относился к религиозному наследию, особенно к раннему христианству¹, не отказывался целиком от него; при переосмыслении традиционных воззрений божественное начало не исчезало из гуманистических идей, традиция органично сплавлялась в гармонии с античными идеями, новыми взглядами.

Итак, как же решались гуманистами поставленные ими высокие проблемы бытия?

Основная часть

Дж. Манетти назвал свой трактат «О достоинстве и превосходстве человека». Достоинство — слово, означающее место в мироздании. Считалось, что в иерархии божественных творений человек находится между животными и ангелами, поэтому, обсуждая достоинство человека, его обычно сравнивали с животными. Высокое место человека объяснялось тем, что он «образ и подобие Бога». Но в светском мировоззрении, каким был гуманизм, требовалось и другое подтверждение его статуса.

Так, Манетти в своем трактате поэтически описывает мир, «красивейший и наипрекраснейший», который хорош настолько, что «не может быть лучше ни в действительности, ни в помыслах». Говоря о его природном изобилии и богатстве, гуманист очень эмоционально подчеркивает, что всё это принадлежит человеку. При этом, рассуждая о его обязанности и долге в мире, он библейскую идею человека — венца творения, соединяет с аристотелевским определением главного предназначения человека в мире — познавать и действовать: «Как велики, непоколебимы и восхитительны сила, разум и могущество человека, ради которого, как мы показали, был создан и сам мир и всё, что есть в мире, так равным образом прямой, неизменный и единственный долг человека состоит, думается нам, в том, чтобы уметь и быть в состоянии руководить и управлять миром, созданном ради человека, и в особенности всем тем, что мы видим находящимся на земле. И человек никоим образом не смог бы осуществить это в совершенстве и вообще выполнить без действия и познания. Следовательно, мы с полным правом можем сказать, что (обязанность) действовать и познавать и составляет собственный долг человека»². И действие и познание, отличающие человека от животных

и составляющие его предназначение, определяют высокое место человека в мироздании, его достоинство.

Но, по мнению Манетти, обязанность человека, или его предназначение, состоит не только в том, чтобы использовать богатства мира и наслаждаться его красотами, но и в том, чтобы творчески мир преобразовывать³. И в этом человек продолжает дело Бога, первоначальное творение которого, как полагает Манетти, было еще незаконченным: «Благодаря выдающейся и исключительной остроте человеческого разума после первоначального и еще незаконченного творения мира, видимо, нами всё было изобретено, изготовлено и доведено до совершенства»⁴. Манетти повторяет эту важную для него мысль: «Мир и его красоты, изначально созданные всемогущим Богом и предназначенные для пользования людей и принятые затем самими людьми с благодарностью, были сделаны ими значительно более прекрасными и с гораздо большим вкусом отделанными»⁵. Всё, что построено на земле, науки и искусства, ремесла, орудия труда, речь и письменность, «труды интеллектуальных и моральных добродетелей» Манетти считает делом рук и ума человека, продолжающего творение Бога.

Тему назначения человека в мире, или его достоинства, продолжает и Марсилио Фичино. Чтобы обозначить отличие человека от других божественных творений, прежде всего животных, и определить его назначение в мире, Фичино сосредотачивает внимание на характере человеческой деятельности. В этой деятельности разум, речь, руки человека, отличающие его от животных, дают ему возможность стать изобретателем многих искусств. «Человеческий же ум, изобретатель бесчисленных и разнообразных вещей, опирается на использование бесконечного богатства речи в качестве своего рода толкователя, который достоин его, ему также служат руки в качестве наиболее пригодных орудий осуществления его бесчисленных изобретений»⁶.

Человеческие изобретения — не от природы, а от самих людей, люди в них соперничают с самой природой, словно они «не рабы ее, а соперники». Фичино приводит примеры, показывающие мощь и изобретательность людей (египетские пирамиды, произведения древних скульпторов и художников). Вспоминает,

в частности, статуи богов, построенные египтянами так, что они двигались и говорили; диковинного голубя Архита Тарентского, сделанного из дерева и с помощью математических расчетов уравновешенного и надутого воздухом. Даже производство шерсти и шелка приведено Фичино как пример человеческой изобретательности.

Человек повелевает животными, печется обо всем живом и неживом, что есть в мире, он бог стихий и всех материй, которые он все использует, преобразует и которым придает форму. Особо выделяет Фичино свойственное только человеку искусство управления земными делами, в чем он подражает божественной власти. Человек повелевает самим собой, заботится о семье, руководит государством, управляет народами, повелевает всем миром.

И в этой заботе о мире, обо всем одушевленном и неодушевленном, человек сближается с Богом, отсюда аргумент Фичино в пользу бессмертия: «Тот, кто так много и в стольких отношениях владычествует над телом (телесным. — *H. P.*) и держит себя подобно бессмертному Богу, несомненно, бессмертен»⁷. Собственно проблеме бессмертия посвящен трактат Фичино «Платоновская теология о бессмертии душ», в котором земная деятельность человека приводится как одно из доказательств бессмертия его души.

Фичино и флорентийские неоплатоники в отличие от предшественников иначе взглянули на проблему мира и Бога, Бога и человека, преодолев дуализм двух начал — духа и материи. И потому мир у Фичино предстает как исполненный божественного начала, пронизанный божественным духом, а человек определяется через душу с решающей ролью в ней разумной способности. Бессмертие и бесконечность мышления являются знаками божественности души, которая обосновывается ее свободой от тела и чувств. Такой взгляд позволил Фичино поднять человека очень высоко, вывести за пределы земного мира, одновременно сохраняя всё многообразие его деятельности на земле, но придавая этой деятельности особую силу и изобретательность.

Изобретая, человек использует всё, что есть в мире, — животных, растения, металлы; все элементы — воду, землю, огонь, воздух. Ему доступны все сферы. Он всюду проникает, над всем господствует, связывает землю и небо: «Он попирает землю,

бороздит воды, высочайшие башни вздымает в небо, не говоря уже о крыльях Дедала и Икара. Он добывает огонь — единственный, кто использует его для своих целей, находя в нем особенное удовольствие; ибо только небесному существу пристало находить удовольствие в небесной стихии. Благодаря небесной доблести поднимается в небеса и измеряет их. Благодаря сверхнебесному разуму проникает он по ту сторону их»⁸.

В своей творческой деятельности человек не только соперничает с природой, он способен подняться до Бога. Он даже способен создать сами небеса — так смело говорит Фичино, рассуждая о сфере Архимеда. Тот, кто поймет, как Архимед построил сферу, сможет и сам соорудить то же самое, если у него будет соответствующий материал: «Поскольку же человек познал строй небес, и как они движутся и в каком направлении, и каковы их размеры, и какое воздействие они производят, то кто станет отрицать, что он обладает дарованием (так сказать) почти таким же, как и сам Создатель небес, и что он некоторым образом может создать небеса, если бы заполучил /подходящие/ орудия и небесную материю, раз он мастерит их сейчас, пусть из другой материи, однако очень похожие по строению?»⁹

Итак, человек у Фичино способен при определенных условиях соорудить сами небеса, приближаясь к Богу. А земная деятельность его осмысливается как проявление божественных сил его души. Никто из предшественников Фичино не сказал сильнее и ярче о величии и достоинстве человека, созидającego на земле и способного подняться в небо. Нам, наблюдающим выход человека в космос, читающим о планах полетов на другие планеты, мысли Фичино не представляются всего лишь чистой фантастикой.

Рассуждая о могуществе человека, о его господстве в мире, названные гуманисты не ставят вопроса об ответственности человека за использование благ мира, за освоение природы и полномочия над всем живым и неживым на земле. Наш вопрос, несомненно, продиктован современной ситуацией. Но если гуманисты позитивно оценивали человека и высоко его поднимали, если человеческую деятельность связывали с божественной, называли, как Манетти, продолжением божественного творения, то вряд ли они могли отнестись критически к тому, что делал человек

на Земле. Для критического отношения к человеческой деятельности надо было признать, что человек изначально совершенно самостоятелен, и не рассматривать эту деятельность как проявление божественных сил его души. Уже в то время появились мыслители, которые смотрели на этот вопрос именно так. Ученый и архитектор Леон Баттиста Альберти был таким гуманистом.

Альберти признает самостоятельный характер земной человеческой деятельности, у него нет идеи загробного воздаяния, хотя он пишет, что человек рожден, чтобы быть угодным Богу, почитать и восхвалять его со всей природой, возблагодарить за всё, созданное для человеческих нужд¹⁰. Природа для Альберти — совершенный мастер, всё, что она создала, — и человек и весь окружающий мир, — совершенно, ее законы надо уважать. Природа и Бог у него часто оказываются тождественными понятиями.

У Альберти человек — деятель. Он «рожден не для того, чтобы чахнуть в праздности, а для того, чтобы посвятить себя великим и грандиозным делам, которые прежде всего будут угодны Богу и достойны его, а также укрепят самого человека в совершенной доблести и сделают его счастливым»¹¹. Правильный и успешный характер деятельности человека определяется его нравственным состоянием и использованием вещей «разумно и соразмерно». Разумный характер деятельности связан с обязательным учетом законов природы. Ответственность за всё, что делает человек на земле, лежит на самом человеке.

В трактате «О зодчестве» Альберти показывает, как, подражая природе, люди, видя теснины хребта, стали делать укрепления, рвы, стены, насыпи, бороться с гнилой и зловонной водой: «Итак, природа нам указывает, хорошо ли полностью осушать местность, или проводить воду из ручьев, рек, моря, или прокапывать землю до скрытых родников»¹². Он называет примеры таких успешных действий человека. Так, когда местность страдала от разлива рек, Клавдий у Фуцинского озера прорыл гору и избыток воды отвел к берегу реки¹³.

Но Альберти говорит и о действиях людей, не согласных с законами природы, противоречащих им. С ясностью ученого он беспощадно констатирует, как не смог порой человек соответствовать изначальному совершенству своей природы. Он предупреждает,

что ничего нельзя делать вопреки природе, потому что она всё равно сумеет одолеть и победить то, что ей противостоит, эти вещи она «ежедневной и постоянной настойчивостью натиска, временем и обилием расшатывает и низвергает»¹⁴. Персидский царь Кир, желая наказать природу, повелел разделить Инд на 360 рукавов, в результате Инд так обмелел, что его можно было переходить вброд¹⁵. Действия в нарушение законов природы приводят к пагубным для людей результатам: порт Клавдия под Остией и порт Адриана у Террацины заглохли, так как входы в бухты были засыпаны песком¹⁶. Извивающийся Геримант жители настолько истощают, орошая поля, что остающиеся воды его теряются в песках по пути к морю¹⁷.

В отличие от других животных, человек «животное беспокойное и не выдерживающее никакого своего состояния и положения». В защите природы и ее законов Альберти не останавливается перед обличением человека за нарушение законов природы, за знание всех ее тайн. Он даже ставит под сомнение его творческие поиски. «Другие животные довольствуются тем, что им предписано, только человек, всегда исследуя новые вещи, самому себе вредит. Не довольствуясь столь огромным пространством земли, он хочет бороздить море и выйти, думаю, за пределы мира, хочет над водой, под землей, в горах вырыть любую вещь и постараться вынести кучей на поверхность». Человек настолько выходит за рамки своей природы, что «природа иной раз, когда ей опротивеет столь великая наша гордыня, поскольку мы хотим знать все ее секреты и исправлять и переделывать ее, находит новые несчастья, чтобы продолжать игру с нами и вместе с тем упражнять нас в ее познании. Какова глупость смертных — мы хотим знать, когда и как, и с каким замыслом, и с какой целью существует всякое установление и деяние Бога, и хотим знать, какая материя, какой образ, какая сила есть у неба, планет, разумных существ, и хотим, чтобы нам были более известны тысячи тайн, чем природе»¹⁸.

Заметим, что Альберти не сосредотачивает внимание на примерах из современности. Италия XV в., видимо, еще не страдала от разрушительного воздействия человека на природу. Но в XVI в. человеческая деятельность уже начала давать отрицательные результаты¹⁹.

Цель явных перехлестываний через край у Альберти одна — пророчески предостеречь человека, нарушающего законы природы.

Позже драматические последствия прогресса человечества провидит Леонардо да Винчи. Предсказания о мореплавании, о металлах, то, что у иных мыслителей Возрождения называется знаком прогресса наук и ремесел, у Леонардо звучит трагически, даже загадки (о железе, пушках) исполнены мрачных образов.

Совсем иначе вопрос о высшем благе решается Лоренцо Валлой. В своем трактате «Об истинном и ложном благе» он называет высшим благом, целью человеческой жизни не освоение мира, а наслаждение. В отличие от Манетти и Фичино гуманист опирается на Эпикура. Наслаждение для него благо, заключенное в удовольствии души и тела²⁰. Он связывает наслаждение с самосохранением, заложенном в каждом живом существе природой: «...что более сохраняет жизнь, чем наслаждение, как-то: от вкусовых ощущений, зрения, слуха, обоняния, осязания, без чего мы не можем жить?»²¹ Ни скорбь, ни душевная мука не могут быть благом для живого существа, но им может быть чувство радости²², и это не просто благо, а высшее и единственное благо, и оно не существует ради какой-то цели, но само является целью²³.

А далее этот принцип, который менее всего надо понимать у Валлы как безудержную проповедь удовольствий, гуманист кладет в основу всех отношений человека с миром и с другими людьми. В сущности, он выстраивает на нем этическое учение, где в основе лежит стремление каждого к личному наслаждению — пользе: «Ведь полезное — то же самое, что исполненное наслаждения»²⁴. Но важно при этом правильно понять эту пользу. Опираясь на Эпикура, который говорит о выборе не всякого удовольствия, а «при соразмерении и по рассмотрении полезного и неполезного», Валла вводит понятие большего и меньшего блага. Главное условие большего блага — быть лишенным несчастий, опасностей, беспокойств, а также быть любимым всеми, что является источником всех наслаждений²⁵. Не умеющий сделать правильный выбор действует себе во вред. Но Валла уверен, что человек с помощью разума способен на правильный выбор.

Что означают эти рассуждения Валлы? Провозглашение такого отношения к жизни, которое позволяет людям избегать страданий и неприятностей и искать в качестве высшего блага

благожелательное отношение других людей: «Не может быть свойственно (человеку), если не глубоко несчастному и привыкшему к злодеяниям, чтобы он не радовался благу другого человека, и более того, чтобы сам не был причиной радости того, например, в случае спасения кого-то от нужды, пожара, кораблекрушения, плена. Таким образом, на основании ежедневного опыта надо приучить себя к тому, чтобы уметь радоваться пользе (других) людей, и надо всеми силами постараться, чтобы они нас полюбили. Это случится только при условии, если мы их полюбим и будем стремиться оказывать им большие услуги. Если мы пренебрежем этим, то наша жизнь никогда не будет радостной»²⁶.

Итак, Валла предлагает новую социальную этику, в основе которой лежит польза (или наслаждение), получаемая каждым от благожелательного отношения и любви других людей, к которым он сам относится так же.

Наслаждение провозглашается Валлой целью и небесной жизни, райское наслаждение расцветивается у него всеми красками. А любовь к Богу определяется вполне в духе его рассуждений: как любовь к тому, кто доставляет людям блаженство, как к источнику благ²⁷.

Как видим, у Валлы высшее благо, назначение человека связано не с деятельностью в мире и его творческим преобразованием и познанием, а с характером отношения к миру и к людям: человек полно и радостно воспринимает мир, наслаждаясь его благами, благожелательно относится к другим людям, ибо их любовь и расположение являются для него наибольшим благом. Валла верит, что человек именно так сумеет построить свою жизнь.

При чтении строк Валлы вспоминается Колуччо Салютати. В своих письмах, посланиях, трактатах гуманист и канцлер Флоренции вводит понятие дружбы-любви в социальном смысле, расширяя его на всё общество. В основе этого понятия он видит христианский закон: «человек создан ради человека» (Бытие. 2: 18, 20) и естественный закон²⁸.

Выводы

Итак, основываясь на античных идеях (Аристотеля, Платона, Эпикура), не расходясь в целом с христианскими воззрениями, итальянские гуманисты пытаются высказать свои мысли о целях

и задачах, высшем благе человека в мире. Человек деятельный, осваивающий Землю и выходящий в небо, и человек, живущий в мире и согласии с другими людьми, — таким увидели его гуманисты в своих сочинениях. Подобное осмысление высшего блага и назначения человека на Земле заставляет задуматься над нашим пониманием высоких проблем бытия, над отношением к собственному долгу и высшему благу человека в мире.

Примечание

- ¹ *Ревякина Н. В.* Христианские истоки гуманистической мысли Италии XIV—XV вв. // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи.* М., 1997.
- ² *Манетти Дж.* О достоинстве и превосходстве человека / вступ. ст., пер., коммент. *Н. В. Ревякиной.* М., 2014.
- ³ Об идее творчества у Манетти см.: *Ревякина Н. В.* Человек и мир в трактате Джанноццо Манетти: вступ. ст. // *Манетти Дж.* Указ. соч. С. 13—17.
- ⁴ Там же. III, 20.
- ⁵ Там же. III, 21.
- ⁶ *Фичино М.* Платоновское богословие о бессмертии душ // *Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / сост., вступ. ст. и коммент. О. Ф. Кудрявцева.* М., 1996. С. 200.
- ⁷ Там же. С. 197.
- ⁸ Там же. С. 196.
- ⁹ Там же. С. 198.
- ¹⁰ *Альберти Л. Б.* Книги о семье / пер. *М. А. Юсима.* М., 2008. С. 124.
- ¹¹ Там же. С. 125.
- ¹² *Альберти Л. Б.* Десять книг о зодчестве / пер. *В. П. Зубова.* М., 1935. Т. 1. С. 343.
- ¹³ Там же. С. 363.
- ¹⁴ *Alberti L. B.* Theogenius // *Opere volgari / a cura di C. Grayson.* Bari, 1966. Vol. 2. P. 93.
- ¹⁵ *Альберти Л. Б.* Десять книг о зодчестве. С. 366.
- ¹⁶ Там же. С. 44.
- ¹⁷ Там же. С. 366.
- ¹⁸ *Alberti L. B.* Op. cit. P. 93.

- ¹⁹ См.: *Чиколони Л. С.* Природа в итальянских утопиях позднего Возрождения // *Природа в культуре Возрождения*. М., 1992. С. 77—79 (Развитие кораблестроения в Венеции в кон. XV — нач. XVI в. привело к вырубке лесов на Адриатическом побережье и превратило их в карстовую пустыню. Значительно поредели и склоны Апеннин).
- ²⁰ *Валла Л.* Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989.
- ²¹ Там же. I, XXXV, I.
- ²² Там же. III, XIII, 6.
- ²³ Там же. III, XIII, 2—3.
- ²⁴ Там же. I, XIV, I.
- ²⁵ Там же. II, XV, 6.
- ²⁶ Там же. II, XVI, 3.
- ²⁷ Там же. III, XIII, 3; III, XIII, 7.
- ²⁸ «Поскольку дружба есть не что иное, как любовь (*caritas*), и поскольку любовь, как мы верим, есть сам Бог, то я полагаю, что ее надо всячески расширять»; любовь воспаляет дух к добродетели, «связывает людей естественной связью, чтобы, поскольку человек сотворен ради людей, расширяясь, мы соблюдали это установление и этот закон наивысшего творца» (*Salutati C. Epistolario / a cura di F. Novati*. Roma, 1891—1905. Vol. I, lib. 4, ep. 4. P. 247); «В этом мире смертных природа установила некое соединение, связанное взаимным расположением, чтобы не только непозволительно было человеку похищать (что-либо) у человека, но считалось бесчеловечным не принести пользу, когда человек это в состоянии сделать» (*Ibid.* Vol. II, lib. 7, ep. 3. P. 254).

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Усманов С. М. Потенциальное православие VS варварство: «Русская идея» Н. Бердяева в зеркале историко-культурной концепции П. Сорокина // Интеллигенция и мир. 2019. № 3. С. 9—18. ББК 87.3(2)61-07

В статье исследуются ключевые положения историософской концепции Николая Александровича Бердяева, прежде всего его понимание «Русской идеи». Анализируется восприятие историософии Бердяева другим видным мыслителем русской эмиграции — Питиримом Александровичем Сорокиным. Автор отмечает, что до сих пор еще не была дана научная оценка интерпретации Питиримом Сорокиным наследия Николая Бердяева. В статье используется несколько основных научных методов анализа изучаемой проблематики: просопографический метод, контекстуализм, феноменологическая дескрипция.

П. Сорокин считал Н. Бердяева значительным самостоятельным мыслителем, а его культурно-историческую концепцию рассматривал в контексте исследовательских поисков других крупнейших мыслителей XX в. Выделены главные акценты истолкования Сорокиным наследия Бердяева. Особое внимание уделяется концептам «потенциальная религиозность» и «варварство». Подчеркивается, что будущее России оба мыслителя рассматривали неоднозначно. Николай Бердяев видел его более определенно и оптимистично, Питирим Сорокин предполагал возможность альтернативных путей развития нашей страны. Делается вывод, что соображения Николая Бердяева и Питирима Сорокина сохраняют актуальность не только в современной России, но могут иметь значение в интеллектуальных поисках будущих поколений наших соотечественников.

Ключевые слова: потенциальная религиозность, варварство, Русская идея, Николай Бердяев, Питирим Сорокин.

Корнилов А. А. Религиозные настроения послевоенной русской эмиграции в «Докладной записке» 1950 г. профессора И. П. Четверикова // Интеллигенция и мир. 2019. № 3. С. 18—29. ББК 87.3(2)63-07

В статье изучается текст докладной записки профессора богословия И. П. Четверикова, составленной в 1950 г. на имя правящего германского архиерея архиепископа Венедикта (Бобковского). Этот документ отражает религиозные настроения послевоенной русской эмиграции, которые оказали влияние на характер взаимоотношений эмигрантов как с Русской Церковью в странах расселения, так и со светскими властями тех стран, куда устремились беженцы после Второй мировой войны. Автор записки был не только свидетелем и очевидцем, но активным участником и создателем общественно-политической и религиозной жизни той волны российской эмиграции, которая в историографии называется «перемещенными лицами» (DP — Displaced Persons).

Целью статьи является исследование религиозных настроений послевоенной эмиграции через призму анализа одного из видных представителей российской интеллигенции, оказавшейся в Германии после мировой войны 1939—1945 гг. В связи с этим автором ставились задачи: дать характеристику документа «Докладная записка» профессора И. П. Четверикова; изучить параметры религиозной активности групп эмигрантов, проживавших в Штутгарте и объединившихся вокруг прихода святителя Николая в этом городе; оценить рекомендации, которые профессор И. П. Четвериков направил священноначалию Германской епархии Русской Зарубежной Церкви.

Автор применил методы внешней и внутренней критики источника, исторической индукции, сравнительно-исторический метод.

В статье делается вывод о том, что в конце периода существования большого количества лагерей и иных центров проживания DP (Ди-Пи) религиозная активность эмигрантов, по оценке профессора и активного прихожанина И. П. Четверикова, находилась на весьма низком уровне. Автор «Докладной записки» представил управляющему Германской епархии свои рекомендации по улучшению существующего положения. Рекомендации главным образом были адресованы духовенству Зарубежной Церкви, которое должно было быть искренним, образованным, тактичным и способным объединить приход и прихожан в единую семью. Автор записки выражал озабоченность религиозными настроениями эмиграции и рекомендовал усилить миссионерскую активность духовенства среди немецкого населения Штутгарта и окрестностей. Однако мнение профессора отражало ситуацию в конкретный

период времени, до 1950 г. в среде Ди-Пи наблюдался горячий религиозный подъем. Записка профессора И. П. Четверикова зафиксировала те настроения, которые царили среди эмигрантов, решивших не уезжать за океан и остаться в Германии.

Ключевые слова: профессор, докладная записка, Церковь, православие, духовенство, Штутгарт, эмиграция, настоятель прихода.

Шмельфениг О. В. Интеллигенция Саратова на рубеже тысячелетий // Интеллигенция и мир. 2019. № 3. С. 30—48.
ББК 63.3(2)63-283.2

Ушедшее тысячелетие породило системный кризис цивилизации: мировоззренческий, экологический, социально-экономический. Одним из его проявлений стал распад СССР и ухудшение качества жизни во всех вновь образовавшихся государствах, что обусловило появление множества проблем на всех уровнях социума.

Целью данного исследования является выяснение роли интеллигенции Саратова, начиная со второй половины 1980-х гг., в разрешении кризисных ситуаций в трех востребованных обществом направлениях: 1) поиск путей сохранения трудовых коллективов крупных предприятий военно-промышленного комплекса при условии перехода на мирную продукцию, а также реорганизации общественных структур регионального и союзного значения; 2) консультативная, организационная, издательская и научно-просветительская помощь возрождающимся конфессиям, деятельность по установлению межконфессиональных и межнациональных контактов и согласия; 3) создание Академии проблем качества Российской Федерации и ее регионального Саратовского отделения для разработки и внедрения программ повышения качества деятельности во всех предприятиях и организациях.

Методология исследования опирается на сюжетно-игровую коммунално-индивидуальную парадигму, которая обобщает системный подход, избавляя его от опасного крена в сторону объективизма и одностороннего материализма; обнажает неочевидный процесс формирования общей совместной жизни через взаимодействие индивидуальных восприятий, чувств, мыслей и поступков каждого участника и дает технологии разработки программ дальнейшей деятельности.

Данная публикация позволяет сложить целостное представление о роли саратовской интеллигенции в решении перечисленных проблем в историческом ракурсе: кто и когда создавал те или иные концепции и социальные технологии; как формировались определенные общественные

институты для решения перечисленных проблем на основе разработанных представителями саратовской интеллигенции парадигм и методов. Дана информация о результатах этой многосторонней деятельности.

Ключевые слова: глобальные проблемы, сюжетно-игровая парадигма, духовность, ответственность, программа, качество.

Ашмарина А. А. Позиция интеллектуалов Европейского Союза по отношению к мигрантам: Ален Финкелькраут и Юлиан Нида-Рюмелин // Интеллигенция и мир. 2019. № 3. С. 49—57.
ББК 66.4(4),32

Проблема массовой миграции широко обсуждается в кругах европейских интеллектуалов. Безусловно, мнения представителей интеллигенции о состоянии миграционной политики и регулировании миграционных процессов в странах Европы разнятся. Автор исследует взгляды известных европейских мыслителей и публичных интеллектуалов — Алена Финкелькраута (Франция) и Юлиана Нида-Рюмелина (Германия).

Целью статьи является рассмотрение позиции двух представителей интеллигенции объединенной Европы с точки зрения отношения стержневых государств Европейского Союза (Франция и Германия) к проблеме миграции, в том числе в период миграционного кризиса в Европе. Автор ставит следующие задачи: дать краткую характеристику рассматриваемого периода — миграционного кризиса в Европе с конца 2014 г. по 2018 г.; проанализировать суждения французского философа А. Финкелькраута, касающиеся мигрантов, и выделить основные пункты его позиции; изучить отношение немецкого мыслителя Юлиана Нида-Рюмелина к мигрантам и миграционной политике и выявить ключевые положения его позиции; дать оценку суждениям европейских интеллектуалов в контексте восприятия мигрантов и миграционных процессов.

Автор применил методы индукции и дедукции, метод контент-анализа и сравнительный метод.

В статье делается вывод о различиях и общих чертах суждений отдельных представителей интеллектуальной элиты Европейского Союза. При рассмотрении процессов миграции А. Финкелькраут обращается к культурной составляющей, Ю. Нида-Рюмелин — к экономической сфере. В целом оба мыслителя приветствуют политическое регулирование миграционных процессов в Европейском Союзе.

Ключевые слова: Европейский Союз, миграция, мигранты, публичные интеллектуалы, интеллигенция, Ален Финкелькраут, Юлиан Нида-Рюмелин, Франция, Германия.

Смирнов Д. А. Политические проблемы послевоенной Германии в отражении интеллектуальных исканий Эрнста Юнгера начала 1950-х годов // Интеллигенция и мир. 2019. № 3. С. 58—70.
ББК 87.3(4Гем)6

В статье раскрыта взаимосвязь интеллектуальных исканий Эрнста Юнгера и политической истории Германии начала 1950-х гг. Доказывается обусловленность идей и программ Юнгера политическими событиями этого времени и его собственным политическим опытом. Нигилизм перехода «через линию» представлен как результат развития Модерна, а «Уход в Лес» рассмотрен в контексте наступления Постмодерна. Источниками статьи выступают эссе «Через линию» и «Уход в Лес», опубликованные друг за другом и ставшие отражением поиска ответов на политические проблемы, обозначившиеся в послевоенные годы для всей Европы, для Германии и для интеллектуала, размышлявшего по поводу их решений. Целью работы является изучение взаимосвязи интеллектуальных исканий Юнгера и политических проблем Германии в начале 1950-х гг. Автор статьи полагает, что эссе «Через линию» и «Уход в Лес» необходимо рассматривать в рамках решения общей проблемы политического самоопределения индивида в начале 1950-х гг. Если непосредственно послевоенное требование перехода «через линию» означает признание себя нигилистом, без чего невозможно изменение индивида, то «Уход в Лес» предлагает политическую программу для такого выбора. Именно таким образом Ушедший в Лес определяет себя по пути событий середины XX в.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, переход «через линию», нигилист, Ушедший в Лес, Постмодерн.

Буданова Д. С. Символы власти и их интерпретация в живописи Здзислава Бексиньского // Интеллигенция и мир. 2019. № 3. С. 71—100.
ББК 85.143(4Пол)63

Автор статьи предпринял попытку проанализировать картины польского художника Здзислава Бексиньского (1929—2005), принадлежащие в основном к «фантастическому» периоду его творчества (1970—80-е гг.). Методологической основой работы стала совокупность постструктуралистского и деконструктивистского подходов, предложенных французскими философами XX в. Р. Бартом, Ж. Лаканом, Ж. Деррида, а также У. Эко; кроме того, автор опирался на психоаналитические теории

К. Юнга и З. Фрейда. В качестве источников исследования, помимо картин З. Бексиньского, были использованы его многочисленные интервью и эпистолярное наследие: письма к Петру Дмоховскому (относятся к 1980 — началу 2000-х гг.), письма к «другу» (известно лишь его имя — Анджей; относятся к концу 1960-х гг.). Целью работы является анализ и интерпретация картин З. Бексиньского, содержащих символы власти. Основной проблемой исследования стала постулированная польским художником принципиальная бессмысленность собственных полотен, вступившая в противоречие со зрительскими интерпретациями его творчества. Предпринята попытка найти ключи для декодирования картин как в социально-политическом, историческом контексте, так и в биографии З. Бексиньского, а также в его эпистолярном наследии. В результате установлено, что художник использовал в своих произведениях комплекс символов власти, имеющих богатый исторический, религиозный и мифологический субстрат. Особый интерес в живописи З. Бексиньского представляет сакрализация власти, на что указывают многочисленные христианские символы, переплетающиеся с символами светской власти. При этом символы власти помещались художником в такой контекст, который считывается интерпретатором как негативный.

Ключевые слова: З. Бексиньский, польская живопись XX в., символы власти, польская интеллигенция.

Ревакина Н. В. Культура Возрождения и мы // Интеллигенция и мир. 2019. № 3. С. 101—111.
ББК 63.3(4Ита)42-7

В статье обсуждаются поставленные итальянскими гуманистами XV в. — времени расцвета гуманизма как идеологии — высокие проблемы бытия: цель человека на земле и его назначение, высшее благо. Чтобы показать и обосновать гуманистическую позицию, для анализа привлекаются сочинения (трактаты и диалоги) ведущих гуманистов эпохи — Джанноццо Манетти, Марсилио Фичино, Леона Баттисты Альберти и Лоренцо Валлы. Главная задача статьи — с помощью проведенных исследований побудить задуматься над подчас скрытыми в глубинах нашего сознания, но очень важными проблемами: для чего человек живет, как он относится к природе, как воспринимает живущих рядом людей.

Ключевые слова: цель человека на земле, высшее благо, природа, мир, деятельность.

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Usmanov S. M. Potential Orthodoxy VS barbarity: «The Russian idea» of N. Berdyaev in a mirror of the historical and cultural concept of P. Sorokin, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2019, pp. 9—18.

The article examines the key points of the historiosophical concept of Nikolay Aleksandrovich Berdyaev, first of all, his understanding of the «Russian idea». At the same time, the perception of Berdyaev's historiosophy by another prominent thinker of Russian emigration, Pitirim Alexandrovich Sorokin, is analyzed. The author notes that there has not yet been given a scientific assessment of the interpretation of Nikolay Berdyaev's heritage by Pitirim Sorokin. The article uses several basic scientific methods for analyzing the issues being studied: prosopographic method, contextualism, phenomenological description. Pitirim Sorokin considered Nikolay Berdyaev to be a major and independent thinker, and considered his cultural-historical concept in the context of a research of other major thinkers of the twentieth century. The main accents of the Sorokin interpretation of the heritage of Berdyaev are highlighted. Special attention is paid to the concepts of «potential religiosity» and «barbarism». It is emphasized that both thinkers considered the future of Russia ambiguously. Nikolay Berdyaev saw him more definitely and optimistically. For his part, Pitirim Sorokin suggested the possibility of alternative ways of development of our country. It is concluded that the considerations of Nikolay Berdyaev and Pitirim Sorokin remain relevant not only in modern Russia, but may be important in the intellectual pursuit of future generations of our compatriots.

Keywords: potential religiosity, barbarism, Russian idea, Nikolay Berdyaev, Pitirim Sorokin.

References

1. Berdyaev N. A. *Istina i otkrovenie* (St. Peterburg, 1996).
2. Berdyaev N. A. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka, *O Rossii i russkoy filosofskoy kulture: filosofy russkogo posleoktyabrskogo zarubezhya* (Moscow, 1990).
3. Berdyaev N. Varvarstvo i upadnichestvo, *Birzhevye vedomosti*, 28 dek., 1916.

4. Gaman L. A. N. A. Berdyaev o voyne, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, 2014.
5. Gaman-Golutvina O. A. Tvorcheskoe nasledie N. A. Berdyaeva i dialektika russkoy politicheskoy istorii, *Tetradi po konservatizmu*, no. 2, 2014.
6. Polovinkin S. M. Vozvrashchenie «filosofskogo parokhoda», *Filosofskie nauki*, no. 12, 2012.
7. Polyakov L. V. Filosof i mir. Nikolay Berdyaev kak kritik epokhi, *Tetradi po konservatizmu*, no. 1, 2017.
8. Skinner Q. Meaning and understanding in the history of ideas, *History and theory*, no. 8, 1969.
9. Sorokin P. A. *Dolgaya doroga: avtobiografiya* (Moscow, 1992).
10. Sorokin P. A. *Modern historical and social philosophies: Danilevsky, Spengler, Toynbee, Schubart, Berdyaev, Northrop, Kroeber, Schweitzer* (New York, 1963).
11. Sorokin P. A. N. A. Berdyaev, *N. A. Berdyaev: pro et contra*, Kn. 1 (St. Peterburg, 1994).
12. Sorokin P. Nikolay Berdyaev, *Kentavr*, Iyul — avg., 1992.
13. Sorokin P. A. Rossiya i Soedinennyye Shtaty, Sorokin P. A. *Krizis nashogo vremeni. Rossiya i Soedinennyye Shtaty* (Syktyvkar, 2018).
14. Sorokin P. A. Zametki sotsiologa: slavyanofilstvo naiznanku, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, Vol. 1, no. 3, 1998.
15. Usmanov S. M. *Bezyskhodnyye mechtaniya: Russkaya intelligentsiya mezhdru Vostokom i Zapadom vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka* (Ivanovo, 1998).
16. Zyuzev N. F. Pitirim Sorokin kak konservativnyy myslitel, *Nasledie*, no. 2, 2017.

Kornilov A. A. The Religious Sentiments of the Post-War Russian Emigration in the 1950 Report by Professor I. P. Chetverikov, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2019, pp. 18—29.

The article does research on the Report written by Professor of Theology I. P. Chetverikov in 1950 and addressed at the German Diocese Archbishop Venedict (Bobkovsky).

This document reflected the religious sentiments of the post-War Russian emigration which influenced the relations of the latter both with the Russian Church and political regimes in the countries of settlement after the World War II. The author of the 1950 Report was not only a witness but also an active participant and builder of social and political life of the Russian emigration's wave that has been called the Displaced Persons by historiography.

The aim of the article is to show the religious sentiments of the post-War Russian emigration through the prism of analysis of one of the prominent representatives of the Russian intelligentsia that happened to be in Germany after the World War of 1939—1945. The author of the article thereby set the following tasks: to characterize the Report of Professor Chetverikov; to study parameters of religious activities of the emigrants groups who lived in Stuttgart and united around the St.-Nicholas church of Stuttgart parish; to estimate the recommendations that Professor Chetverikov made for hierarchy of the German Diocese of the Russian Orthodox Church Outside Russia.

The author of the article used methods of exterior and interior criticism of primary source, methods of historical induction and deduction as well as comparative historical analysis.

The article concludes that at the end of the DP period that was followed by many DP camps and centers religious activity of the emigrants was low. That was what Professor and active parishioner Chetverikov argued. The author of the Report wrote his recommendations to improve the situation and addressed them at the diocese bishop. These recommendations concerned primarily clergy of the Orthodox Church outside Russia. The clergy had to be sincere, educated, tactful and able to unite parish and parishioners into one family. Professor also recommended increasing missionary activities among the local Germans of Stuttgart and vicinity. The observations of Professor Chetverikov reflected his sincere concern about the situation of religious sentiments of emigration. However, the opinion of Professor reflected the situation at a particular point of time. Before 1950 there was a strong religious revival among the DPs. The Report by Professor Chetverikov fixed the mood that dominated among those emigrants who decided not to leave for countries overseas but to stay in Germany.

Keywords: professor, report, church, orthodoxy, clergy, Stuttgart, emigration, rector of parish.

References

1. Bazanov P. N. *Izdatelskaya deyatelnost politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917—1988 gg.)* (St. Peterburg, 2008).
2. Gentshke V. L., Sabennikova I. V., Lovtsov A. S. *Issledovateli Russkogo zarubezhya: biobibliograficheskiy slovar.* = *The Researchers of Russian Diaspora: Biobibliographical Reference Book* (Moscow — Berlin, 2018).
3. Kodin Ye. V. Nikolay Troitskiy: ot simbirskogo povstantsa do direktora Myunkhenskogo instituta po izucheniyu SSSR, *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 3, 2013.

4. Kornilov A. A. Deyatelnost Vendlingenskoj obshchiny pravoslavnykh bezhentssev v poslevoennoy Germanii, *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Ser. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi, Vol. 2, no. 3, 2013.
5. Medvedeva T. A., Bushueva S. V. Rossiyskoe zarubezhe XX veka: osobennosti formirovaniya, adaptatsii i sokhraneniya natsionalnoy identichnosti rossiyskoy emigratsii, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 2, 2016.
6. Popov A. V. *Novaya kniga o zarubezhnoy arkhivnoy rossike*, *Vestnik RGGU*. Ser. Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost, no. 1, 2015. Rec.: Sa-bennikova I. V., Genshtke V. L. *Zarubezhnaya arkhivnaya rossika: geografiya, razmeshchenie, vyyavlenie, publikatsiya istochnikov* (Moscow, 2014. 408 s.).
7. Masolikova N. Yu., Sorokina M. Yu. (red.) *Rossiyskoe nauchnoe zarubezhe: materialy dlya bibliograficheskogo slovarya*, Vyp. 2 [Pilotnyy]: *Psikhologicheskie nauki: XIX — pervaya polovina XX v.* (Moscow, 2010).
8. Stoyukhina N. Yu., Mazilov V. A. Chetverikov Ivan Pimenovich: dannye biografii, *Istoriya rossiyskoy psikhologii v litsakh: daydzhest*, no. 4, 2016.

Schimelfenig O. V. *Intelligentsia of Saratov between two millennia, Intelligentsia and the World*, no. 3, 2019, pp. 30—48.

The past millennium gave rise to a systemic crisis of civilization: ideological, environmental, and socio-economic. One of its manifestations was the collapse of the USSR and the deterioration of the quality of life in all newly formed states, which led to the emergence of many problems at all levels of society.

The purpose of this study is to clarify the role of the Saratov intelligentsia, beginning in the second half of the 1980s, in resolving crisis situations in three areas sought for by society: 1) finding ways to preserve the labor collectives of large enterprises of the military-industrial complex, provided reorganization of social structures of regional and union importance; 2) advisory, organizational, publishing and scientific and educational assistance to resurgent confessions, as well as activities for the establishment of interfaith and interethnic contacts and harmony; 3) the creation of the Academy of problems of quality of the Russian Federation and its regional Saratov branch for the development and implementation of programs to improve the quality of activities in all enterprises and organizations.

The research methodology is based on the plot-game communal-individual paradigm, which generalizes the systematic approach, saving it from a dangerous lurch towards objectivism and one-sided materialism; exposes the unobvious process of forming our common life together through the interaction of individual perceptions, feelings, thoughts and actions of each participant and gives the technology to develop programs for future activities.

This publication provides a holistic view of the role of the Saratov intelligentsia in solving the listed problems from a historical perspective: who and when created certain concepts and social technologies; how certain public institutions were formed to solve the listed problems on the basis of paradigms and methods developed by representatives of the Saratov intelligentsia; as well as information on the results of this multilateral activity.

Keywords: global problems, plot-game paradigm, spirituality, responsibility, program, quality.

References

1. Gerasimov B. N., Shimel'fenig O. V. Cyuzhetno-igrovoj podxod v upravlenii kachestvom, *Kachestvo i zhizn'*, no. 4, 2018.
2. *Chto est' real'nosti? Besedy`o real'nosti: Saratovskaya intelligenciya v «INTELLECT GAME SESSION»* (ruk. proekta, sost. i red. O. V. Shimel'fenig, L. Ya. Solodovnichenko) (Saratov, 2009).
3. Shimel'fenig O. V. *Zhivaya Vselennaya. Syuzhetno-igrovaya kartina mira. XXI vek: «SAMOZAVET» ili «SAMOAPOKALIPSIS»* (Saratov, 2005).
4. Shimel'fenig O. V., Majorova A. S. Dokumentaciya problemno-delovy`x igr i voprosy` eyo xraneniya, *Sovetskie arxivy`*, no. 5, 1990.
5. Shimel'fenig O. V., Solodovnichenko L. Ya. «Besedy` o real'nosti» v vos`mi aktax: intelligenciya Saratova v «Intellect game session», *Intelligenciya i mir*, no. 3, 2009.

Ashmarina A. A. Position of intellectuals of the European Union on the attitude towards migrants: Alain Finkielkraut and Julian Nida-Rumelin, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2019, pp. 49—57.

The problem of mass migration is widely discussed in the circles of European intellectuals. Of course, the views of intelligentsia members on the state of migration policy and regulation of migration processes in Europe are different. In this article the author examines positions of two prominent

European thinkers and public intellectuals: Alain Finkielkraut (France) and Julian Nida-Rumelin (Germany).

The aim of the article is to consider views of these intelligentsia members of the United Europe in terms of the attitude of France and Germany to the problem of migration, including period of the migration crisis in Europe. To achieve this purpose, the author set the following tasks: to give a brief description of the period under consideration – the migration crisis in Europe since the end of 2014 up to 2018, to analyze the view of the French philosopher Alain Finkielkraut in relation to migrants and to highlight the main points of his position, to study the attitude of the German thinker Julian Nida-Rumelin to migrants and migration policy and to identify the key provisions of his position, to assess the judgments of European intellectuals in the context of the perception of migrants and migration processes.

The author applied the methods of induction and deduction, the method of content analysis and comparative method.

In the article the author draws a conclusion about the differences and common features of the judgments of individual representatives of the intellectual elite of the European Union. Alain Finkielkraut considers migration and migrants from the point of view of the cultural component; Julian Nida-Rumelin refers to the economic sector while considering the migration processes. In general, both thinkers welcome the political regulation of migration processes in the European Union.

Keywords: European Union, migration, migrants, public intellectuals, intelligentsia, Alain Finkielkraut, Julian Nida-Rumelin, France, Germany.

References

1. Ashmarina A. A. Globalnyy Pakt OON po migratsii: vyzovy dlya Yevropeyskogo Soyuza, *LOMONOSOV — 2019: materialy Mezhdunar. molodezhnogo nauchnogo foruma* (otv. red. I. A. Aleshkovskiy, A. V. Andriyanov, Ye. A. Antipov) (Moscow, 2019).
2. Ashmarina A. A. Politika Frantsii v usloviyakh evropeyskogo migratsionnogo krizisa, *Razvitie gosudarstva i obshchestva: idei, subekty, instituty i praktiki: materialy V Vseros. Foruma molodykh politologov* (pod red. I. A. Pomigueva, R. V. Savenkova) (Moscow, 2018).
3. *Finkielkraut: «I Gilet gialli e il nuovo odio antisemita che lega banlieue e islamisti»*. Available at: https://rep.repubblica.it/pwa/intervista/2019/02/19/news/francia_antisemitismo_alain_finkielkraut-219568260/ (accessed: 16.05.2019).
4. French Philosopher Finkielkraut. There Is a Clash of Civilizations. Part 1: There Is a Clash of Civilizations, *Spiegel Online*. Available at:

- <https://www.spiegel.de/international/world/interview-french-philosopher-finkelkraut-on-muslims-and-integration-a-937404.html> (accessed: 16.05.2019).
5. French Philosopher Finkelkraut. There Is a Clash of Civilizations. Part 2: This Has Nothing to Do With Aggression, *Spiegel Online*. Available at: <https://www.spiegel.de/international/world/interview-french-philosopher-finkelkraut-on-muslims-and-integration-a-937404-2.html> (accessed: 16.05.2019).
 6. Nida-Rümelin J. Africa does not need even more emigration to Europe, *International Politics and Society*. Available at: <https://www.ips-journal.eu/regions/europe/article/show/africa-does-not-need-even-more-emigration-to-europe-2862/> (accessed: 16.05.2019).
 7. Nida-Ryumelin Y. Otkrytye granitsy podvergnut opasnosti gosudarstvennost vo vsem mire, *Mezhdunarodnaya politika i obshchestvo*. Available at: <https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/otkrytye-granicy-podvergnut-opasnosti-gosudarstvennost-vo-vsem-mire-275/> (accessed: 16.05.2019).
 8. Von Christian Teevs. SPD schaltet sich mit Fünf-Punkte-Plan in Unionsstreit ein, *Spiegel Online*. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-spd-schaltet-sich-mit-fuenf-punkte-plan-in-streit-zwischen-cdu-und-csu-ein-a-1215992.html> (accessed: 16.05.2019).

Smirnov D. A. Political problems of post-war Germany in the reflection of the intellectual quest of Ernst Junger in the early 1950s, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2019, pp. 58—70.

The article reveals the relationship of Ernst Jünger's intellectual quest and the political history of Germany in the early 1950s. The article proves the dependence of the ideas and programs of Jünger on the political events of this time and on his own political experience. The nihilism of the path «across the line» is presented as a result of the development of Modern, and the Forest Walk is considered in the context of the approach of Postmodern. The sources of the article were the essays «Across the Line» and «Forest Walk», published one after another and reflecting the search by Jünger for answers to political problems that emerged in the post-war years for Europe, for Germany and for the intellectual, who was thinking about their decisions. The aim of the work is to study the relationship of Junger's intellectual quest and the political problems of Germany in the early 1950s. The essays «Across the Line» and «Forest Walk» should be considered within the framework of solving the general problem of the political self-determination of an individual in the early 1950s. If the immediate post-war

demand of going «across the line» means recognizing oneself as a nihilist, without whom it is impossible for an individual to change, then Forest Walker offers such a model. This model is a political program of the individual along the path of events of the mid-twentieth century.

Keywords: Ernst Jünger, the path «across the line», the nihilist, the Forest Walker, the Postmodern.

References

1. Benoist A. Jünger, Heidegger i nihilizm (per. A. Ignat'eva), *Sanskrit, induizm, tantra. Sajt Andreya Ignat'eva*. Available at: <http://www.mahadevi.ru/juenger.pdf> (accessed: 04.05.2019).
2. Jünger E. Cherez liniyu (per. s nem. G. Hajdarovoj), *Sud'ba nihilizma* (St. Peterburg, 2006).
3. Jünger E. *Gody okkupacii (aprel' 1945 — dekabr' 1948)* (St. Peterburg, 2007). Available at: http://militera.lib.ru/db/0/pdf/juenger_e02.pdf (accessed: 04.05.2019).
4. Jünger E. *Izlucheniya (fevral' 1941 — april' 1945)* (St. Peterburg, 2002).
5. Jünger E. Uhod v Les (per. A. Klimentov), *Geopolitika.ru*. Available at: https://www.geopolitika.ru/sites/default/files/ernst_yuenger_-_ukhod_v_les.pdf (accessed: 04.05.2019).
6. Jünger E. *V stal'nyh grozakh* (per. s nem. N. O. Guchinskoj, V. G. Notkinov) (St. Peterburg, 2000).
7. Koslowski P. *Mif o moderne: Poeticheskaya filosofiya Ernsta Jüngera* (Moscow, 2002).
8. Niekisch E. *Stranstvie po lesu* (per. A. Ignat'eva). Available at: http://rossia3.ru/ideolog/nashi/les_niekisch (accessed: 04.05.2019).
9. Smirnov D. A. Nacional'noe porazhenie glazami intellektual-konservatora: Ernst Jünger o chelovecheskih tragediyah v okkupirovannoj Germanii, *Intelligenciya i mir*, no. 4, 2017.

Budanova D. S. Symbols of the power and their interpretation in painting of Zdzisław Beksiński, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2019, pp. 71—100.

The author of the article attempted to analyze the paintings of Polish artist Zdzisław Beksiński (1929—2005), that mainly belonged to the «fantastic» period of his work (1970—1980s). The methodological basis of the work was the set of poststructuralist and deconstructivist approaches proposed by the French philosophers of the 20th century R. Barthes, J. Lacan, J. Derrida, and

U. Eco; in addition, the author used the psychoanalytic theories of K. Jung and Z. Freud. As the sources of research, except for the pictures of Z. Beksinski, his interview and epistolary heritage: letters to P. Dmohovski (referring to the 1980s and early 2000s), letters to the «friend» (only the friend's name, Andrzej, is known, date back to the late 1960s). The purpose of our work was the analysis and interpretation of paintings by Z. Beksinski containing symbols of power. The main problem of the study was Z. Beksinski's postulated principle of his own paintings meaninglessness, which came into conflict with the interpretation of the Polish artist's works. The author tried to find keys for decoding pictures both in the socio-political, historical context, and in the biography of Z. Beksinsky, as well as in his epistolary heritage. As a result, we established that Z. Beksinsky used in his works a complex of symbols of power, having a rich historical, religious and mythological substrate. Of particular interest is the sacralization of power in the painting of Z. Beksinsky, as indicated by numerous Christian symbols intertwined with symbols of secular power. In this case, the symbols of power were placed by the artist in such a context, which is interpreted by the interpreter as negative.

Keywords: Z. Beksinski, Polish painting of the 20th century, symbols of power, deconstruction, interpretation, Polish intelligentsia.

References

1. Ansen-Hoffman E. *Deva Mariya s Mladencem Iisusom*. Available at: <https://postila.ru/post/24512482> (accessed: 01.04.2019).
2. *Arhitektura Pol'skoj Narodnoj Respubliki. 1940-e — seredina 1970-h gg.* Available at: http://ussr.totalarch.com/architecture_polish_peoples_republic (accessed: 01.04.2019).
3. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma, *Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* (per. s fr. i vstup. st. G. K. Kosikova) (Moscow, 2000).
4. Bart R. *Smert' avtora* (Moscow, 1994). Available at: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm> (accessed: 04.06.2019).
5. Beksinski Z. *Dla siebie czy dla ludzi? (wywiad, 1981-a)*. Available at: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php> (accessed: 01.04.2019).
6. Beksinski Z. *Najbliższa jest mi melancholia (wywiad, 1995)*. Available at: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php?section=wywiady> (accessed: 01.09.2018).
7. Beksinski Z. *Sztuka jako odcisk palca (wywiad, 1976)*. Available at: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php?section=wywiady> (accessed: 01.04.2019).
8. Benuas L. *Znaki, simvoly i mify* (Moscow, 2004).

9. *Otkrovenie Ioanna Bogoslova. 1:5, 17:14.*
10. *Evangelie ot Matfeya. 17:2; 19:28; 25:31.*
11. Bogin G. I. *Filologicheskaya germenevtika* (Kalinin, 1982).
12. Derrida Z. H. *O grammatologii* (Moscow, 2000).
13. Dmochowski P. *Korespondencja pomiędzy Zdzisławem Beksińskim a Piotrem Dmochowskim*, Vol. 1, 3 (Warszawa, 2005).
14. *Drogi Andrzeju!* 14.08.1968. Available at: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php> (accessed: 01.04.2019).
15. *Drogi Andrzeju!* 19.09.1968. Available at: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php> (accessed: 01.04.2019).
16. Eko U. *Ot dreva k labirintu: Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretacii* (Moscow, 2016).
17. Eko U. *Rol' chitatelya: Issledovaniya po semiotike teksta* (Moscow, 2005).
18. *Inna samotność.* Available at: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php?section=wywiady> (accessed: 01.04.2019).
19. *Jest nic.* Available at: <http://beksinski.dmochowskigallery.net/library.php?section=wywiady> (accessed: 01.04.2019).
20. *Jestem w mniejszości, Przegląd Tygodniowy.* 02.07.1997.
21. Kesarijskij A. *Tolkovanie Apokalipsisa.* Available at: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/kesar/033.htm#4> (accessed: 01.04.2019).
22. Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* (Moscow, 1992).
23. Malevich K. *My — pechat' svoego vremeni.* Available at: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_5/ (accessed: 01.04.2019).
24. Malevich K. *Otvechaya staromu dnyu.* Available at: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_2 (accessed: 01.04.2019).
25. Najbliższa jest mi melancholia, *Gazeta nieznaną. 1995. Marzec-czerwiec.*
26. *Nemeckie lagerya dlya voennoplennykh vo vremena Vtoroj Mirovoj vojny.* Available at: <http://soldat.ru/force/germany/camp.html> (accessed: 01.04.2019).
27. Nie pokazują żadnych treści, *Tygodnik Sanocki.* 18.08.1995.
28. Ostashova N. V. *Simvol kresta v istorii kul'tury: avtoreferat diss. ... kand. filosof. nauk* (St. Peterburg, 2004).
29. Po co siedzieć na kaktusie?, *Viva*, no. 10-1, 2003.
30. Tylko paranoicy są konsekwentni, *Przegląd Tygodniowy.* 30.04.1989.
31. Uciekam od zobowiązań, *Gentleman*, no. 12, 2000.
32. Veneyan S. S. Yung: symbolizm, mitologia, indywidualność, *Psihoterapiya*, no. 1, 2015.
33. Yung K. *Arhetip i simvol.* Available at: http://www.pseudology.org/Psychology/Jung/Arhetip_and_simbol.pdf (accessed: 01.04.2019).

Revyakina N. V. Culture of the Renaissance and we, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2019, pp. 101—111.

The article discusses high problems of life put by the Italian humanists of the 15th century — humanity blossoming time as ideology — the purpose of the person on the earth and his appointment, the highest blessing. To show and prove a humanistic position, for the analysis compositions (treatises and dialogues) of the leading humanists of an era Dzhannozzo Manetti, Marsilio Ficino, Leon Battista Alberti and Lorenzo Valla are attracted. The main task of the article — by means of the conducted researches to induce to think over sometimes hidden in depths of our consciousness, but very important problems: for what the person lives, what he thinks of the nature as perceives the people living a row.

Keywords: the purpose of the person on the earth, the highest blessing, the nature, the world, activity.

References

1. Alberti L. B. *Desyat knig o zodchestve*, Vol. 1 (per. V. P. Zubova) (Moscow, 1935).
2. Alberti L. B. *Knigi o seme* (per. M. A. Yusima) (Moscow, 2008).
3. Alberti L. B. *Theogenius, Opere volgari*, Vol. 2 (a cura di C. Grayson) (Bari, 1966).
4. Chikolini L. S. *Priroda v italyanskikh utopiyakh pozdnego Vozrozhdeniya, Priroda v kulture Vozrozhdeniya* (Moscow, 1992).
5. Ficino M. *Platonovskoe bogoslovie o bessmertii dush, Chasha Germesa. Gumanisticheskaya mysl epokhi Vozrozhdeniya i germeticheskaya traditsiya* (sost., avtor vstup. st. i komm. O. F. Kudryavtsev) (Moscow, 1996).
6. Manetti Dzh. *O dostoinstve i prevoskhodstve cheloveka* (vstup. st., per., komm. N. V. Revyakinoy) (Moscow, 2014).
7. Revyakina N. V. *Khristianskie istoki gumanisticheskoy mysli Italii XIV—XV vv., Kultura Vozrozhdeniya i religioznaya zhizn epokhi* (Moscow, 1997).
8. Salutati C. *Epistolario*, Vol. I—II (a cura di F. Novati) (Roma, 1891—1905).
9. Valla L. *Ob istinnom i lozhnom blage. O svobode voli* (Moscow, 1989).

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.eeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 000 знаков с пробелами или 20 страниц текста в формате А4 через 1,5 интервала, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения), примечания, библиографический список на русском языке, транслитерация списка литературы ("**References**").

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на внутренние разделы, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. Сноски в статье концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста статьи под названием «**Примечания**». В примечаниях следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2019 № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2019 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,67. Уч.-изд. л. 6,2. Тираж 45 экз.
Заказ № 93. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00. E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

